

ПИТЕР ДЖЕЙМС

ШЕДЕВРЫ ДЕТЕКТИВА #1

КЛЕЙМО СМЕРТИ

Им не скрыться
Они помечены смертью

ПРОДАНО **16 000 000** ЭКЗЕМПЛЯРОВ

РОМАНЫ АВТОРА ПЕРЕВЕДЕНЫ НА 36 ЯЗЫКОВ

INTERNATIONAL BESTSELLING AUTHOR

Детектив Рой Грейс

Питер Джеймс
Клеймо смерти

«Центрполиграф»

2015

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)

Джеймс П.

Клеймо смерти / П. Джеймс — «Центрполиграф»,
2015 — (Детектив Рой Грейс)

Джейми Болл возвращался домой, когда ему с подземной автостоянки позвонила невеста Логан. Сквозь помехи он уловил испуг в ее голосе, затем она вскрикнула, и связь прервалась. Крайне обеспокоенный, Джейми звонит в полицию. Полицейские прибывают на стоянку в считанные минуты, но Логан бесследно исчезла. В тот же день дорожные рабочие в другой части города раскопали останки молодой женщины, погибшей тридцать лет назад. Поначалу Рою Грейсу и его команде два этих события кажутся не связанными между собой. Но в Брайтоне пропадает еще одна молодая женщина и обнаруживается еще один труп из прошлого. Вот тут-то к Рою Грейсу приходит леденящее душу осознание того, что все эти преступления совершены одним и тем же серийным убийцей.

УДК 821.111-31

ББК 84(4Вел)

© Джеймс П., 2015
© Центрполиграф, 2015

Содержание

1	6
2	7
3	8
4	9
5	11
6	12
7	16
8	20
9	23
10	27
11	31
12	32
13	33
14	36
15	38
16	40
17	41
18	42
19	45
20	49
21	51
22	53
23	57
24	59
25	61
26	65
27	66
28	69
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Питер Джеймс

Клеймо смерти

Copyright © Really Scary Books / Peter James 2015

© Перевод, ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2016

© Издание на русском языке, ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2016

© Художественное оформление, ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2016

1

Четверг, 11 декабря

Логан спешила домой под проливным дождем. День выдался паршивый, – плохо начавшись, он постепенно катился от плохого к худшему, а потом еще и дальше, – но, слава богу, близился к концу. Она уже представляла, как нальет большой бокал охлажденного белого вина и до приезда Джейми выкурит перед окном запретную сигаретку. В колонках прозвучали знакомые музыкальные позывные «Радио Суссекс», после чего женский голос объявил, что на часах сейчас 5.30 пополудни, а значит, пришло время для заголовков главных новостей. Слушая вполуха ведущую и пребывая в блаженном неведении, Логан и представить не могла, что уже к завтрашнему вечеру сама станет главной темой местных новостных выпусков и объектом едва ли не самых широкомасштабных поисков, когда-либо предпринятых суссекской полицией.

Несчастья преследовали ее с утра, когда, едва выбравшись из постели с больной головой после утомительного и скучного ужина с неповоротливым, неряшливым Джейми и уже опаздывая на работу, Логан споткнулась об оставленный им на ковре ботинок. Оступившись, она ударилась ногой о торец двери в ванную и до крови рассекла большой палец. Ей бы следовало отправиться в больницу, но она не могла позволить себе терять время в отделении неотложной помощи, где непременно пришлось бы отсидеть в очереди. В результате Логан удовольствовалась тем, что сама, с надеждой на лучшее, перевязала злосчастный палец.

Следующий шаг по дороге несчастий она сделала, попав на заметку той самой дорожной камере, под которой в течение нескольких лет каждый будний день проезжала, сознательно сбросив скорость до 32 миль в час. Сегодня же, торопясь не опоздать к встрече с первым клиентом, она начисто забыла про чертову камеру и пронеслась мимо на скорости не меньше 45 миль в час.

И наконец, как будто всего этого было мало, одна из коллег в клинике хиропрактики – женщина, приносившая большую часть их общего дохода, – объявила, что беременна тройней и намерена, если дела пойдут хорошо, посвятить все свое время исполнению материнских обязанностей. Без нее будущее финансовое положение заведения выглядело сомнительным.

А тут еще проблемы с Джейми, упрямо не желающим согласиться, что у них все не так. Но ведь действительно не так. Очень даже не так. Его неаккуратность, поначалу казавшаяся забавной мелочью, со временем стала раздражать и даже бесить ее, – особенно после того, как он заявил, что роль женщины в том и состоит, чтобы поддерживать порядок в доме.

Что ж, она прибралась. Собрала всю разбросанную им по полу одежду, банки из-под пива и грязные стаканы, оставшиеся после визита его друзей, приваливших посмотреть футбол, и спустила все в мусоропровод.

Логан довольно усмехнулась – приятное воспоминание! – и, показав правый поворот, притормозила, а потом и остановилась перед въездом на подземную парковку, расположенную под их жилым кварталом в районе Кемптаун. Она щелкнула пультом, и двери открылись.

Логан уже катила по съезду, когда вдруг заметила затаившуюся в темноте фигуру. И резко вдавила в пол педаль тормоза.

2

Четверг, 11 декабря

Едва успев ответить на звонок невесты, Джейми Болл почувствовал – что-то случилось.

Связь была плохая. Джейми возвращался в Брайтон на стареньком «фольксвагене-гольффе» по шоссе М-23 в самый час пик, под проливным дождем, и с трудом разобрал, что именно говорит Логан, но даже сквозь треск помех на линии уловил беспокойство в ее голосе.

– Ты в порядке, милая? – спросил он.

– Нет. Нет, не в порядке.

– Что случилось?

– Я на парковке, и здесь кто-то есть. Я его видела. Он пытался спрятаться, когда я въехала.

Расположенная под их многоэтажкой подземная парковка не нравилась ни ей, ни ему. Дом стоял неподалеку от Брайтонского королевского госпиталя, и из их скромной квартирки на девятом этаже открывался потрясающий вид на город, до самого Пролива, но автомобильная стоянка под ним пугала обоих.

Плохо освещенная, с множеством темных углов, парковка практически не охранялась. Некоторые машины стояли здесь под толстым слоем пыли и, похоже, годами не трогались с места. Иногда, съезжая вниз, Джейми испытывал такое чувство, будто входит в мавзолей. Порой, возвращаясь домой поздним вечером, Логан оставляла машину на улице – уж лучше рискнуть и получить утром штрафной талон, чем спускаться в темноту.

Не раз и не два Джейми предупреждал Логан: прежде чем съезжать по пандусу, убедись, что электронные ворота за тобой закрылись. И вот теперь там, похоже, разворачивался сценарий, которого он всегда боялся.

– Милая, слушай меня. Запри все двери, развернись и немедленно выезжай.

Логан не ответила.

– Ты меня слышишь?

И тут раздался ее крик.

Ужасный крик.

А потом – тишина.

3

Четверг, 11 декабря

Феликс ничего не имеет против того, что я убиваю людей. Он понимает это, понимает мои резоны. У меня даже есть смутное подозрение, что он и сам, будь посмелее, занимался бы тем же. Харрисона в этом вопросе смущает моральный аспект. Что касается Маркуса, то он категорически против. Считает меня плохим человеком. Ну и что? Разве плохо, когда у тебя умные друзья, имеющие собственное мнение и не боящиеся его высказать. Лично я всегда уважал людей, которые говорят что думают.

Есть такое мнение, что настоящий друг тот, кто, зная о тебе все, продолжает тебя любить, но мне такой *безусловный* аспект дружбы представляется сомнительным. Друзья нужны нам как сдержки и противовесы, они помогают видеть перспективы и служат моральным компасом. Но должен сказать, Маркус не прав. На самом деле я не такой уж плохой человек – я всего лишь жертва. В жизни мы все – жертвы. Мы все, в той или иной форме, пленники нашего прошлого. Прошлое формирует нас, но не всегда очевидным образом. Только позже, случайно, когда читаешь что-то, задевающее за живое, или когда твой терапевт указывает на связь, которой ты никогда не замечал, только тогда наступает миг просветления. Внезапно все обретает смысл. И ты все можешь оправдать.

Я только что начал очередной *проект*. Она – юная леди двадцати четырех – двадцати пяти лет, стройная, симпатичная, с длинными каштановыми волосами, как и все мои *проекты*. Мне так нравится. Я следил за ней последние три месяца – по большей части издалека, а также на ее страничке в «Фейсбуке» и по ее твитам. Мне доставляет удовольствие изучать их, придумывать, как лучше их взять, а потом представлять, что я буду делать с ними. Предвкушение – вот что заводит меня по-настоящему. Примерно то же самое, что просмотреть онлайн-меню какого-нибудь первоклассного ресторана, в котором собираешься поехать. Мои чудесные досье.

Логан – прелестная девушка. Подходящая. Во всех отношениях. Бегаёт марафон, должна была выйти замуж, да только теперь этому уже не бывать – и я тут ни при чем. Но вот это и помогает мне в моральной ориентации. Нельзя обращаться с мужчинами так, как позволяет себе она.

Ее нужно наказать.

4

Четверг, 11 декабря

Летом Хоувская лагуна, детская площадка и парк развлечений с двумя большими лодочными прудами за прибрежным променадом, застроенным пестро раскрашенными пляжными домиками, кишела бы людьми. Дети – под бдительным присмотром матерей, бабушек и дедушек, *au pairs*¹ или нянечек – кружились бы на карусели, качались на качелях и катались с горок или плавали на игрушечных лодках по одному из двух прямоугольных прудов, который и дал название месту и который они делили с укротителями каноэ, виндсерферами и вейкбордистами.

Тут и там люди угощались бы мороженым или сладостями, купленными в кафе «Бит бич», заведении с практично побеленными стенами, голубыми окнами и скатной крышей, таящем в себе крутейший коктейль-бар и ресторан и являющемся плодом вдохновения его последнего владельца, музыканта Нормана Кука, известного также под именем Фэтбой Слим.

Но в этот сумрачный, пасмурный декабрьский день, когда с неба лил холодный дождь, а с моря дул сильный, порывистый ветер, Лагуна выглядела пустынной, заброшенной и безрадостной. Лишь одинокая пожилая дама в прозрачной накидке выгуливала на поводке упирающую собачонку размером с большую крысу.

В свете прожекторов рабочие в светоотражающих куртках, касках и защитных наушниках вскрывали асфальт на дорожке перед кафе. Стоявший в стороне бригадир, отвернув голову от ветра и держа в руке планшет в непромокаемом чехле, делал какие-то замеры и записывал результаты. Неподалеку жались друг к другу несколько легковушек и шумный желтый генератор.

Взломав свежую полосу и отведя в сторону перфоратор, один из рабочих вдруг крикнул с иностранным акцентом:

– О боже! Гляньте-ка! – Взволнованный, он повернулся к бригадиру: – Уэсли! Ты только посмотри!

Услышав его крики, перекрывшие грохот оборудования, остановились и другие рабочие. Подойдя ближе, бригадир наклонился, посмотрел вниз и увидел нечто, показавшееся ему кистью скелета.

– Это что, какое-то животное? – спросил рабочий.

– Не знаю, – с сомнением сказал бригадир.

Сомнение относилось и к возрасту останков, которые вполне могли пролежать здесь десятки лет. Вот только на лапу животного это никак не походило. Разве что, может быть, на обезьянью. Нет, подумал Уэсли, скорее она все же человеческая. Склонившись к такому выводу, бригадир распорядился вскрыть дорожку в непосредственной близости от находки, но при этом сильно не углубляться.

Отколов еще несколько кусков черного асфальта, они обнажили уже целую руку с темными нитями сухожилий. Затем появилась грудная клетка и то, что не могло быть чем-то иным, кроме человеческого черепа.

– Ладно, хватит! – нервно распорядился бригадир. – На сегодня достаточно. Расходитесь по домам, а завтра с утра продолжим. Если, конечно, разрешат. Но всем быть к восьми.

Раздумывая, не следовало ли остановить работу раньше, бригадир отошел к фургону, открыл заднюю дверь, забрался в салон и, порывшись, вытащил кусок брезента. Прикрыв

¹ Помощница по хозяйству, обычно девушка-иностранка, изучающая язык и живущая в семье (фр.). (Здесь и далее примеч. пер.)

останки брезентом, он придавил его для верности камнями, а закончив, достал телефон и набрал номер босса, от которого получил четкие и ясные инструкции.

Поговорив с начальством, бригадир, как ему и было сказано, сразу же набрал 999 и, услышав голос оператора, попросил соединить его с полицией.

5

Четверг, 11 декабря

Дрожа от нервного возбуждения, Джейми Болл съехал на обочину автострады, остановился и снова набрал номер Логан. Сигнал пошел, но после шестого гудка ему ответила голосовая почта.

– Привет, это Логан Сомервиль. Я не могу сейчас принять ваш звонок...

Он дал отбой и тут же перезвонил. *Ну пожалуйста, дорогая, пожалуйста, ответь. Логан, милая, пожалуйста, ответь!* И снова шесть гудков и то же голосовое сообщение. Мимо, в считанных дюймах от его машины, окатив ее брызгами, прогромыхал грузовик. Джейми сморгнул слезы и закрыл глаза. Стекла очков затуманились. Может быть, позвонить смотрителю, Марку? Или соседу, у которого есть ключ от их квартиры?

Но он ведь слышал ее крик.

Значит, что-то случилось.

«Фольксваген» снова вздрогнул – рядом, в опасной близости, промчался еще один грузовик.

Джейми опять дал отбой и сразу набрал 999.

6

Четверг, 11 декабря

Час назад какой-то идиот произнес-таки слово на «Т». Как в театральном мире считается предосудительным упоминать название шекспировской пьесы «Макбет» – актеры и актрисы отзываются о ней как о *той шотландской пьесе*, – так и в мире полицейском предпочитают не говорить, что день выдался *тихий*. И верно – не прошло и нескольких минут, как с языка толстячка-констебля, завернувшего в отдел связи управления полиции потрепаться с супругой, работавшей здесь радиоконтролером, сорвалось запретное слово, и все пошло под откос. В трех разных местах внезапно произошли серьезные дорожные столкновения; в Брайтоне случилось вооруженное ограбление; на печально знаменитом скалистом обрыве Бичи-Хед объявился очередной кандидат в самоубийцы и, наконец, в Кроули пропал четырехлетний мальчик.

Расположенный в большом, открытой планировки зале на первом этаже современного здания, одного из нескольких, составляющих своего рода кампус управления полиции, отдел связи принимал срочные звонки в суссекскую полицию со всего графства. Здесь же находился и центр городской системы видеонаблюдения. Выше его по рангу стоял оперативный дежурный инспектор. Помимо прочего, этот инспектор имел право давать разрешение на использование огнестрельного оружия в спонтанных инцидентах и при проверке и преследовании автомобилей на территории графства.

В этот день оперативным дежурным был Энди Килл, высокий, плотного сложения пятидесятилетний мужчина, бывший чемпион Британии по парашютному спорту. Тридцать лет службы в полиции наложили печать цинизма на приятное лицо под редким пушком коротко подстриженных седеющих волос. В темных форменных брюках и черной рубашке с короткими рукавами, на которых выделялась вышитая белыми нитками надпись «полиция», с инспекторскими звездочками на погонах и висящей на синем шнурке идентификационной карточкой, он привлекал внимание нехарактерным для себя внушительным брюшком – результатом недавнего отказа от курения, компенсированного неконтролируемым обжорством.

Килл сидел в крохотной кабинке в задней части зала, за столом, заставленным компьютерными экранами и мониторами. Один показывал карту графства. Другой постоянно информировал его о текущих происшествиях. И третий, с сенсорным экраном, служил дежурному глазами и ушами в его собственном департаменте.

Настенные мониторы в дальнем углу комнаты отображали текущую статистику, тогда как на отдельный экран над столом поступали видео с четырехсот из пятисот камер наблюдения, установленных по всему графству. С помощью клавиатуры и тумблера Килл мог поворачивать и в течение секунд менять масштаб камер. Всего в отделе работало тридцать человек, в большинстве своем штатских – узнать которых можно было по нарукавным вышивкам «поддержка»² и синим, в отличие от черных у полицейских, рубашкам поло. В особо трудные моменты на обоих уровнях собирались едва ли не все сто человек.

Под камерами, за составленными рядами столами, сидели радиооператоры; каждый, как почти все в этом зале, с головной гарнитурой. Именно эти люди поддерживали связь с патрульными полицейскими. Большинство операторов могли при необходимости вывести на экран картинку с камер видеонаблюдения, находящихся в определенном районе. Вместе с ними сидели операторы экстренных вызовов. Каждый звонок по 999 сопровождался негромким гудком, так что в тех редких случаях, когда все «срочники» были заняты, их заменяли другие, имеющие соответствующую подготовку.

² Общественная поддержка полиции (*англ.* Police Support) – гражданские, не приведенные к присяге сотрудники полиции графств.

Эми Вуд, спокойная, добродушная и заботливая темноволосая женщина с двадцатилетним стажем работы в отделе связи, была одной из самых опытных в зале. Ей нравилось здесь прежде всего из-за непредсказуемости возникающих каждые десять минут ситуаций. За годы службы она познала простую истину: от сюрпризов не застрахован даже тот, кто думает, что уже повидал все на свете. В тихие дни Эми скучала и в душе радовалась, когда все срывалось под откос. Именно это и происходило в последний час! Она уже успела ответить на звонки от свидетелей нескольких происшествий, мужчины, чью подружку укусила соседская собака, неизвестного из Богнор-Реджис, у которого среди бела дня отобрали велосипед, и странно болтливого типа, определенно пребывавшего под кайфом и жаловавшегося на соседа через улицу, который постоянно его фотографирует.

Настоящим проклятием для Эми и ее коллег был неиссякаемый, круглосуточный поток звонков от всякого рода любителей позабавиться и людей с психическими отклонениями. Одна страдающая слабоумием старушка звонила в отдел по пятнадцать раз в день. Как свидетельствует статистика, двадцать процентов звонков на номер 999, требующих немедленного полицейского реагирования, делают люди с психическими отклонениями.

Один такой как раз и был сейчас на линии.

– Я покончу с собой, – хныкал какой-то парень.

Его истеричный голос почти терялся на фоне шумного ветра.

– Можешь сказать, где находишься?

Звонили с сотового, и на экране у Эми уже обозначилось положение телефонной вышки, принимающей и передающей его сигнал. Башня располагалась в Гастингсе, и звонивший мог находиться на любой из дюжины улочек.

– Не думаю, что вы в силах мне помочь, – продолжал парень. – Проблемы у меня в голове.

– Где ты? – спокойным и любезным тоном спросила Эми.

– На Риггер-Роуд, – ответил он и снова зарыдал. – Меня никто... никто не понимает...

Продолжая разговаривать, Эми впечатывала информацию в журнал происшествий и отстукивала инструкции для радиодиспетчера.

– Как тебя зовут?

Долгое молчание. Потом что-то похожее на Дэн.

– Тебя зовут Дэн?

– Нет, Бен.

Ее серьезно тревожил его тон. Завершая инструкции, Эми пометила их категорией «первая степень», что требовало незамедлительного реагирования и прибытия на место в течение пятнадцати минут.

– Что такого случилось на этой неделе, Бен? Что так тебя расстроило?

– Я... я просто никуда не вписываюсь. И даже маме не могу объяснить, что со мной не так. Я из Сенегала. Приехал, когда мне было десять. Здесь я не чувствую себя своим. Люди обращаются со мной иначе. У меня есть нож, и я сейчас перережу себе горло.

– Пожалуйста, Бен, оставайся на линии. Я направлю к тебе кого-нибудь и буду на связи, пока они не приедут.

На экране замигал позывной ближайшей к звонящему патрульной машины. Эми увидела на карте розовый значок полицейской машины, находившейся не более чем в полумиле от Риггер-Роуд. Машина вдруг передвинулась на два квартала ближе.

– Почему люди обращаются со мной не так, как с другими? – запричитал парень истерично. – Пожалуйста, помогите мне.

– Помощь уже близка, Бен. Я буду на связи, пока они не приедут к тебе. – Розовый символ на карте переместился на Риггер-Роуд. – Ты уже видишь полицейскую машину? Видишь полицейскую машину?

– М-м-м...

– Помашешь им рукой?

Эми услышала голоса, а потом на карте вспыхнуло сообщение: «Полицейские на месте». Она облегченно вздохнула.

Сделав свою работу, Эми дала отбой. В таких ситуациях всегда трудно решить, реальна угроза самоубийства или звонок – вопль отчаявшейся души, и ни она, ни кто-либо другой не стал бы выбирать ту или иную сторону. Неделю назад она приняла звонок от человека, заявившего, что он стоит с веревкой на шее и готов прыгнуть в чердачный люк. Потом в дом вошла полиция, и Эми похолодела, услышав хрип и крики полицейских, требующих друг у друга нож.

Эми посмотрела на часы – 17.45. До середины двенадцатичасовой смены оставалось некоторое время, но она решила выпить чашечку кофе, а заодно выяснить, сколько еще человек заказали сегодня карри в местном ресторанчике индийской кухни, который быстро становился их столовой.

Однако прежде чем успела подняться и снять гарнитуру, телефон зазвонил снова.

– Полиция Суссекса, чем могу вам помочь? – заученно произнесла Эми, взглянув на экран, где появился номер телефона и приблизительное местоположение звонящего. Похоже, он находился в Кроули, неподалеку от аэропорта Гатуик, а точнее, судя по шуму проносающихся машин, на автостраде. Наверное, ДТП, подумала она, – большинство звонков с шоссе касались либо мусора на одной из полос, либо дорожного столкновения.

Как часто бывает в таких случаях, поначалу позвонивший молодой человек никак не мог подобрать нужные слова. На основании собственного многолетнего опыта Эми знала, что большинству факт звонка по 999 причиняет изрядное нервное потрясение, не говоря уже о том эффекте, который производит на них само происшествие. Половина звонящих в полицию пребывают в состоянии смятения, так называемого «красного тумана».

Голос молодого человека почти терялся в реве проносающихся машин.

– Я только что позвонил ей... понимаете... дело в том... я действительно беспокоюсь о моей невесте, – выдал он наконец.

– Назовите, пожалуйста, ваше имя и номер телефона, – сказала Эми, хотя его номер уже был у нее перед глазами.

Он торопливо выпалил и то и другое.

– Мне кажется, у моей невесты неприятности. Я позвонил ей, когда она въезжала на подземную парковку под нашим домом. Она сказала, что там прячется кто-то и что ей страшно, а потом я услышал, как она закричала, и связь оборвалась.

– Вы пробовали позвонить ей еще?

– Да, да, пробовал. Пожалуйста, направьте туда кого-нибудь – я очень за нее беспокоюсь.

Опыт и чутье подсказывали Эми, что его тревога реальная, а случай потенциально серьезный.

– Назовите, пожалуйста, ваше имя.

– Джейми. Джейми Болл.

Несмотря на фоновый шум, говорил он теперь четче.

– Пожалуйста, адрес, ее имя, марка, модель и регистрационный номер автомобиля, – попросила Эми, продолжая печатать. – И коротко, как выглядит ваша невеста.

Он ответил на все ее вопросы и торопливо добавил:

– Пожалуйста, пожалуйста, пошлите туда кого-нибудь. И, если можно, побыстрее – там что-то не так.

Эми взглянула на свой экран, потом на карту. Поискала взглядом розовый значок. Нашла.

– Сэр, машина отправляется по названному адресу.

– Спасибо. Большое спасибо.

Она услышала, как дрогнул его голос.

– Пожалуйста, оставайтесь на линии. Сэр? Мистер Болл? Джейми. Меня зовут Эми.
– Извините. – Похоже, ему удалось взять себя в руки.
– Пожалуйста, дайте мне номер мобильного и домашнего телефона вашей невесты и регистрационный номер ее автомобиля.

Болл назвал оба номера телефона, но неожиданно сбился на номере машины.

– Начинается с GU10. Пожалуйста, попросите их поторопиться.

– У вас есть какие-либо предположения относительно того, кем может быть тот человек на подземной парковке? Раньше вы или ваша невеста видели там подозрительных личностей?

– Нет. Нет. Но там темно и нет никакой охраны. Несколько месяцев назад какие-то хулиганы разбили пару машин. Я еду сейчас туда, но буду не раньше чем через полчаса.

– Полицейский наряд прибудет на место через считайте минуты.

– Пожалуйста, убедитесь, что она в порядке. Пожалуйста. Я люблю ее. Пожалуйста, убедитесь, что она цела и невредима. Пожалуйста.

– Сэр, я дам выехавшим туда полицейским номер вашего сотового. Они свяжутся с вами.

– Я слышал, как она кричала. Господи, я слышал ее крик. Это ужасно. Они должны ей помочь.

Записав данные, Эми тут же отправила их флеш-сообщением оперативному дежурному Энди Киллу.

Который незамедлительно оповестил о случившемся дивизионного командера Брайтона и Хоува Нева Кемпа и дежурного центра кризисных ситуаций, старшего инспектора Джейсона Тингли, сообщив, что речь может идти о потенциальном похищении.

7

Четверг, 11 декабря

ПК Рейн³, так в полиции называют – причем почти всерьез – эту погоду. Жулики и мошенники не любят мокнуть под дождем, так что, когда на Брайтон и Хоув обрушивается такой вот ливень, уровень преступности почти всегда соответственно падает.

Декабрьский вечер, шесть часов. Темно и холодно. Констебль Сьюзи Холидей вместе со своим неизменным напарником, констеблем Ричардом Крайком, известным как РВК и славящимся в среде блюстителей порядка фотографической памятью, ехали вдоль набережной Хоува в патрульном «форде-мондео». Справа остались идущие чередой террасные особняки, слева – пустынные лужайки с растянувшимися в ряд пляжными домиками. Еще дальше, за променадом с уличными фонарями, бушевал, взбивая пену, Пролив.

Смена близилась к концу, до пересменки, в семь вечера, оставалось меньше часа, и день выдался тихий. Они выезжали на небольшое дорожное происшествие – мотороллер столкнулся с фургоном, но, к счастью, никто не пострадал; заглянули в аптеку на Севен-Дайлс – какой-то мужчина свалился у входа, предположительно от передозировки; и, как случается едва ли не в каждую смену, побывали на месте очередной домашней разборки, завершившейся арестом сожителя-бойфренда. За последние восемнадцать месяцев женщина вызывала полицию уже в четвертый раз, и Сьюзи надеялась, хотя и не очень в это верила, что теперь та наконец выставит буяна за дверь. Трагедия многих жертв домашнего насилия в том, что со временем они падают духом, теряют уверенность и им уже недостает смелости избавиться от партнера или уйти самим – они попросту не верят, что способны наладить жизнь собственными силами.

Еще несколько часов, и район даунтауна вокруг Уэст-стрит, с его барами и ночными клубами, превратится в потенциальную военную зону, как бывало каждый четверг, пятницу и субботу, и порядок здесь будет поддерживаться за счет строгого, но доброжелательного контроля в рамках операции «Мрамор», обеспеченного массовым полицейским присутствием. К счастью, нынешний график дежурств освобождал их от ночных смен с постоянными драками и стычками с пьяными, лезущими на рожон чавами⁴. Хотя, по правде говоря, среди полицейских находилось немало любителей *потолкаться*, как они это называли, и получить на законных основаниях дозу адреналина.

Поток машин двигался в стартстопном режиме, «дворники» изо всех сил разгоняли воду на стекле, за которым мигали красные стоп-сигналы ползущего впереди автомобиля. РВК деловито набирал на телефоне какое-то сообщение. Следующие два дня у обоих были выходные, и Сьюзи мечтала отдохнуть с мужем Джеймсом и пройтись по магазинам – купить что-нибудь в их новую квартиру в Истборне, куда они недавно переехали и где цены на недвижимость были значительно ниже, чем в Брайтоне.

– Какие планы на выходные? – спросила она у коллеги.

– М-м-м... – РВК поднял палец, показывая, что ему надо справиться с первоочередной задачей, а через секунду сообщил: – Свожу Джои на футбол. – В Джои, своем двенадцатилетнем сыне, РВК души не чаял. – А ты чем займешься?

Запищало радио.

– Чарли-Ромео-Четыре? – спросил голос диспетчера.

– Чарли-Ромео-Четыре, – ответил РВК.

³ П К Р е й н (англ. PC Rain) – букв. полицейский констебль Дождь.

⁴ Ч а в (англ. chav) – гопник, уничижительное прозвище молодых людей из низов, отличающихся антисоциальным поведением и агрессивностью.

– У нас сообщение о происшествии на подземной парковке Чешам-Гейт, на углу Стенли-Райз и Брайрз-авеню. Возможное нападение на женщину. Можете проверить? Первая степень.

– Чешам-Гейт? – повторил Крайк. – Да, да. Уже едем. – Он повернулся к Сьюзи: – Разворачивайся.

Сьюзи Холидей включила «мигалку» и сирену и, чувствуя, как закачивается в кровь адреналин, решительно развернулась на 180 градусов, выскочила на противоположную полосу и дала газу. Как и большинство ее коллег, она испытывала кайф, получив вызов первой степени. Потолкаться с чавами, промчаться с ветерком – в этом был особый шик и особая крутизна работы. Но и большая ответственность. По закону сирена и «мигалка» не дают автоматически каких-то дополнительных прав, они всего лишь просьба пропустить. Но когда на дороге едва ли не половина сидящих за рулем глухие, слепые или просто тупые, такая гонка чревата немалыми опасностями и полна захватывающих дух моментов.

Едва Сьюзи выжала шестьдесят, как шедший впереди «ниссан-микра» – ни зеркал заднего вида, ни поворотников у него, наверное, не было – внезапно рванул вперед и выскочил на ту же полосу, по которой шла она.

– Идиот! – прошипела Сьюзи, на дюймы разминувшись с задним бампером «ниссана».

Тем временем констебль Крайк принимал от диспетчера информацию: марку и модель машины и описание подвергшейся нападению женщины.

Через девяносто секунд они проскочили кольцо у Брайтонского пирса благодаря любезности водителя автобуса, сделавшего ради них остановку, и выехали на Марина-Пэрейд. Здесь они свернули налево, пронеслись мимо недорогих отелей Лоуэр-Рок-Гарденс и уже через две минуты, взлетев по крутому склону за госпиталем, увидели впереди слева жилой комплекс Чешам-Гейт.

«Форд» остановился перед закрытым въездом на подземную парковку. Констебли вышли и приблизились к высоким воротам. За металлическими решетками вниз уходила тьма. Сьюзи достала фонарик, включила и осветила, но увидела лишь несколько припаркованных в ряд автомобилей, некоторые из них были накрыты брезентом.

– И как нам туда попасть? – спросила напарника Сьюзи. – Есть идеи?

– Попробую узнать, где квартира смотрителя, – ответил Крайк и побежал к главному въезду.

Что-то вдруг резко звякнуло, и ворота стали открываться. Секундой позже Сьюзи оказалась в ярких лучах фар и услышала за спиной рев двигателя. Повернувшись, она увидела небольшой БМВ с откидным верхом, за рулем которого сидела молодая женщина. Сьюзи подняла руку и, подойдя к машине, сказала, что пользоваться парковкой временно нельзя из-за полицейского расследования.

Торопливо сбежав по съезду – свет включался автоматически, реагируя на движение, – она выключила фонарик, чтобы поберечь батарейку, и огляделась. Ей был нужен белый «Фиат-500» с номером, начинающимся с GU10, и худощавая женщина лет двадцати четырех – двадцати пяти с длинными каштановыми волосами. Из примерно шестидесяти парковочных мест большинство были заняты. Кроме автомобилей, здесь стояло несколько мотоциклов и велосипедов.

И ни одной живой души. Вдыхая запах пыли и машинного масла и настороженно поглядывая по сторонам, Сьюзи направилась к машинам.

Пройдя ряд до конца, она повернула влево, к более темной секции. Здесь была одна только лампочка, да и та помигивала и громко жужжала, так что Сьюзи снова включила фонарик. Она прошла мимо велосипедной стойки с несколькими двухколесными машинами на цепных замках и красивого старого «мерседеса» с откидным верхом, занесенного пылью и покоящегося на четырех спущенных шинах. А потом ей бросился в глаза аккуратно припаркованный

белый «Фиат-500». Регистрационный номер начинался с GU10. Машина была еще мокрой, как будто стояла здесь недолго.

Сьюзи остановилась и вызвала по рации коллегу.

– Похоже, я нашла машину.

– Я спускаюсь со зрителем, – ответил Крайк.

Она осторожно подошла к машине и посветила фонариком в боковое окно. В салоне было пусто. На пассажирском сиденье валялась обертка от жевательной резинки, на приборной панели лежал билет. Присмотревшись, Сьюзи увидела, что это талон с автомобильной парковки в Льюисе. Она проверила две передние дверцы – обе закрыты. Капот был еще теплый.

Через пару секунд на стоянке появился констебль Крайк в сопровождении невысокого бодрого мужчины лет пятидесяти с лишним в слаксах и матерчатой куртке-бомбер, с мобильным телефоном в руке.

– Это Марк Шульц, смотритель дома, – представил спутника Крайк.

– Так в чем именно проблема? – поинтересовался смотритель.

– Нам нужно удостовериться, что с хозяйкой этой машины, мисс Логан Сомервиль, ничего не случилось и ей ничто не угрожает. Вы видели ее после того, как она вернулась?

Шульц покачал головой:

– Нет, я заканчиваю в половине шестого.

– У вас здесь есть камеры видеонаблюдения?

Смотритель беспомощно развел руками:

– Камера есть, однако она не работает уже шесть недель. Я обращался в управляющую компанию, но безрезультатно. – Он пожал плечами. – И что тут сделаешь?

Они направились к лестнице.

– Мне стоит ей позвонить?

– Да, пожалуйста.

– Очень симпатичная леди. И приятель – приятный парень. Милые люди. – Шульц поднял телефон, пролистал список контактов и набрал номер. Потом, подождав, посмотрел на полицейских и покачал головой. – Не отвечает.

– У вас есть ключ от ее квартиры?

– Секундочку, сейчас поищу.

– Я побуду здесь, осмотрюсь и позабочусь, чтобы никто пока не въезжал сюда и не выезжал, – сказал Крайк. – А ты поднимись в квартиру.

Они поднялись по внутренней лестнице на первый этаж. Сьюзи осталась в коридоре, а Шульц зашел в свою квартиру. Через минуту он вышел со связкой ключей, как тюремный надзиратель, и повел Сьюзи к лифту.

На девятом этаже они вышли в сумрачный коридор с затоптанной ковровой дорожкой и несвежим, затхлым запахом. Где-то в одной из квартир грохотала музыка. Сьюзи узнала «Patient Love» группы «Пэссенджер». Вдвоем они прошли по коридору. Смотритель остановился перед нужной дверью и нажал на кнопку звонка. Не дождавшись ответа, он позвонил еще раз. Постучал. Потом вопросительно посмотрел на Сьюзи Холидей:

– Не отвечают.

– Вы можете открыть и посмотреть, дома ли она?

– Вообще-то мне бы этого не хотелось.

– Мы беспокоимся за ее безопасность, и нам нужно знать, все ли с ней в порядке.

Шульц снова пожал плечами:

– О'кей. Никаких проблем.

Он открыл дверь и крикнул в комнату:

– Привет! Мисс Сомервиль! Это смотритель! Со мной здесь полиция.

Им ответила тишина, дохнувшая мертвящей пустотой.

– Не возражаете, если мы войдем? – спросила констебль.

Шульц задумчиво пожевал губами, потом приглашающим жестом протянул руку:

– Нет, проходите.

Они вошли в небольшую прихожую с двумя стоящими у стены горными велосипедами, над которыми висели пальто и куртки-анораки, и проследовали дальше, в светлую, просторную, но неприбранную гостиную, совмещенную со столовой. Комната была обставлена по современному: на полу – кремового цвета ковер, у стены – бежевая угловая софа. На выступающей из тесной кухоньки барной стойке лежали газета «Индепендент» и журнал «Уик». В дальнем конце бара стоял безукоризненно чистый, с подсветкой, аквариум, в котором плавали несколько крошечных рыбок.

Внимание Сьюзи привлекли фотографии в рамках. На одной красовалась молодая симпатичная пара – оба в велосипедном снаряжении рядом с забрызганными грязью велосипедами на фоне сурового горного пейзажа. На другой та же пара лежала на пляже и, улыбаясь, смотрела на фотографа. Третья демонстрировала их в лыжных костюмах. На стене висело несколько больших абстрактных рисунков с изображениями шезлонгов на пляже, скелетных останков Западного пирса и растянувшихся вдоль него пляжных домиков. Все они, похоже, были творениями одного обосновавшегося в Льюисе художника, Тома Хоумвуда.

Они заглянули в спальню, где обнаружили широкую кровать с аккуратно сложенным одеялом и взбитыми подушками, два прикроватных столика с лампами и телевизор. На одном столике лежала стопка книг и женский журнал, на другом – стоял наполовину полный стакан с водой. Оглядевшись, Сьюзи Холидей заметила на полу ботинок и похожее на кровавое пятнышко на нижнем уголке ведущей в ванную двери. Несколько капелек застыли на полу.

В ванной было чисто и сухо. В плетеной корзине, поверх других вещей, лежали лайкровые велосипедные шорты и жилет. На полках стояли гель для душа, шампунь, крем для тела и прочее, мужская и женская бритвы и несколько бутылочек – туалетная вода, одеколон и лосьон после бритья. Все выглядело так, словно никто не заходил сюда по крайней мере несколько часов.

Сообщив о результатах по радио, Сьюзи добавила, что признаков борьбы не обнаружено, но есть небольшие следы крови.

Диспетчер сказала, что жених мисс Сомервиль уже подъезжает к дому, и попросила подождать на месте.

8

Четверг, 11 декабря

Осторожный при обычных обстоятельствах водитель, Джейми Болл как одержимый несся по Эдвард-стрит, не отрывая глаз от залитого дождем ветрового стекла, маневрируя в плотном потоке движения, мигая фарами и давя на клаксон, не обращая внимания на сердитые гудки и проклиная жесты. Его трясло от страха.

Камера дорожного наблюдения мигнула, фиксируя превышение скорости, – ну и пусть. Все было не важно, кроме одной, отчаянной потребности: как можно быстрее попасть домой, убедиться, что с Логан все в порядке, что с ней ничего не случилось. Он резко взял влево, и машину занесло на мокрому покрытии, а покрышки взвизгнули, ища сцепления с дорогой. Джейми добавил газу на подъеме и свернул вправо, на их улицу. Впереди, у входа в дом, он увидел припаркованную патрульную машину.

Джейми нетерпеливо нажал на пульт, подождал, пока откроются ворота, и скатился по пандусу. Почти сразу же его остановил выбежавший из глубины парковки полицейский в форме. Он назвался, и полицейский указал ему на свободное место.

Джейми выскочил из машины, не потрудившись закрыть дверцу, и тут же, с огромным облегчением, увидел компактный белый «фиат», стоящий там же, где всегда.

Все хорошо! Слава богу! Слава богу! Он повернулся к полицейскому:

– Где Логан? Моя невеста, где она? Что случилось? Она цела?

– Думаю, вам лучше поговорить с моей коллегой, которая поднялась в квартиру со смотрителем.

На него повеяло холодком страха.

– Что такое? Что случилось?

– Сэр, они все вам расскажут.

Джейми подбежал к лифту и поднялся на девятый этаж. Дверцы кабины открылись, он вышел в коридор и увидел женщину в полицейской форме и смотрителя, Марка, которые выходили из их квартиры.

– Привет! Все в порядке?

– Привет, Джейми! – как всегда, бодро приветствовал его смотритель.

– Логан? Она в порядке? Она звонила мне, сказала, что видела чужака на парковке.

– Я ее не видел, – ответил Шульц. – И дома ее нет.

– Да нет же, она дома, ее машина внизу! – Джейми посмотрел на женщину и, не ответив на ее пыливый взгляд, прошел в квартиру – мимо пары горных велосипедов у стены, – повернул налево, в маленькую переднюю, заставленную высокими, от пола до потолка, книжными стеллажами с полным собранием романов Ли Чайлда и других его любимых авторов – детективщиков и фантастов, – и оказался в гостиной, большой квадратной неприбранной комнате. Логан нигде не было.

– Логан! – позвал Джейми, торопливо возвращаясь в прихожую.

По пути он проверил спальню с валявшимся на полу возле кровати ботинком, о который споткнулась утром Логан, заглянул в ванную, гостевую комнату, кухню, гостевой туалет и душевую. Закончив обход в гостиной, Джейми открыл дверь на балкон. Иногда Логан выходила туда покурить, несмотря на все его усилия отучить ее от дурной привычки. Но только два пластиковых стула и белый столик мокли, забытые, под дождем, а в пепельнице плавал раскисший окурочок.

Джейми отступил в гостиную и закрыл дверь, за которой бушевала непогода. Женщина в полицейской форме вернулась, смотритель стоял у нее за спиной.

– Я – констебль Холидей, – представилась она. – Мы с напарником побывали на подземной стоянке вскоре после вашего звонка. Ничего подозрительного пока не обнаружили. «Фиат» мисс Сомервиль на своем месте, дверцы заперты. В квартире признаков вторжения нет.

– Она позвонила мне оттуда, когда приехала. Потом вскрикнула, и телефон отключился.

– Вы пробовали ей перезванивать?

– Да. Звонил постоянно, пока ехал сюда. – Он достал телефон из кармана брюк и снова набрал номер. После шестого гудка включилась голосовая почта:

– Дорогая, пожалуйста, позвони мне, как только сможешь. Я очень волнуюсь.

Он дал отбой и посмотрел на Сьюзи Холидей:

– Она всегда перезванивает в течение нескольких минут. Что бы ни делала – всегда перезванивает мне, а я всегда перезваниваю ей.

– Она точно поехала на работу сама? Может быть, ее подвозил кто-то из коллег – это объясняло бы, почему машина на стоянке?

– Нет, нет! Она звонила мне из машины, когда была уже в гараже. Сказала, что увидела кого-то, и закричала. Страшно так. На нее такое не похоже. Может, спустимся и посмотрим еще раз? – жалобно попросил Джейми.

Запищала рация. Бесплотный женский голос сказал что-то, но что именно, Джейми не разобрал.

– Чарли-Ромео-Четыре, – ответила Сьюзи. – Мы еще на Чешам-Гейт.

– Спасибо, Чарли-Ромео-Четыре. Сообщите, когда закончите.

– Хорошо, – ответила Сьюзи и повернулась к Джейми Боллу: – Сэр, вы ссорились сегодня с невестой?

– Ссорились? Нет! А что?

– Мы заметили кровь на двери ванной.

– А, это. Логан споткнулась, когда встала с постели, и рассекла палец на ноге. Собиралась заехать утром в больницу.

– В больнице это подтвердят, не так ли, сэр?

– Да, конечно. – Джейми помолчал, потом посмотрел на Сьюзи: – Господи, так вы думаете, что это я что-то с ней сделал? Боже мой!

– Боюсь, мы вынуждены задавать эти вопросы.

Джейми захватил запасные ключи от машины Логан, и они втроем спустились на лифте в подземный гараж и подошли к «фиату», возле которого их встретил Крайк.

– И вот что еще, – сказал Джейми Болл. – Логан – диабетик. И ей нужно поддерживать уровень сахара, а иначе есть риск гипогликемии.

Констебль кивнула.

– Где вы работаете, мистер Болл?

– В Кройдоне. «Кондор фуд групп». Мы продаем корм для животных.

– У нас два родезийских риджбека, – включился в разговор, подходя, Крайк. – Жена только «кондор» и покупает – «кондор виталайф».

– Приятно слышать, – без энтузиазма отозвался Джейми. – Отличный продукт.

– Лучше, чем сырое мясо?

Он пожал плечами:

– Насколько я знаю, корм более сбалансированная пища, чем сырое мясо.

Они подошли к «фиату».

– Ваша невеста была здесь, когда вы позвонили? – спросила Сьюзи Холидей, доставая свой айфон. – Сигнал очень слабый.

Джейми кивнул и снова вытащил телефон. Сигнал отклонился от единицы к нулю, потом к двойке. Он снова набрал номер Логан и через пару секунд услышал звонок. Очень тихий.

Звонок услышали и остальные.

В первый момент смотритель и оба полицейских посмотрели на Джейми. Нахмурившись, он вставил в замок ключ и открыл дверцу. И звонок тут же зазвучал громче.

Ее телефон лежал на полу, почти под пассажирским сиденьем.

Джейми наклонился, но его остановила констебль Холидей, которая и взяла телефон, предварительно натянув на руку перчатку. Телефон замолчал. Холидей знала, что обычно телефоны оставляют для изучения специалистам как вещественную улику, но в данном случае, учитывая потенциальную угрозу жизни, решила проверить его незамедлительно. Она спросила у Джейми код. Он назвал. Холидей ввела код, посмотрела на дисплей и увидела девять пропущенных звонков от «Джейми моб». Джейми подтвердил – эти от него.

– Logan никогда, никогда бы не оставила телефон. И никуда бы без него не пошла.

Он видел – они смотрят на него с сочувствием, но и немного скептически.

– Боюсь, телефоны иногда оставляем мы все, – сказала констебль Холидей. – Со мной такое тоже случалось.

– И со мной, – вставил смотритель. – Два дня потом не мог найти.

– С ней что-то случилось. Пожалуйста, поверьте мне. Что-то случилось. Да я же слышал ее крик!

Снова запищало радио, и Джейми снова услышал женский голос.

– Чарли-Ромео-Четыре, – ответил констебль Крайк, склоняя голову к рации на левой стороне груди.

– Серьезное дорожное происшествие на перекрестке А-23 и А-27. Требуется помощь. Можете сообщить, когда освободитесь?

– Да. Но думаю, мы задержимся здесь еще немного. – Констебль повернулся к Боллу: – Извините за такой вопрос, сэр, но у вас с невестой все хорошо? Никаких споров? Раздоров?

– Ничего. Мы, конечно, цапались, как и любая пара, но всерьез за то время, что вместе, ни разу не ругались. Мы очень любим друг друга.

Сьюзи Холидей отступила в сторонку. Услышанное внушало ей все большее беспокойство. Вызвав по радио диспетчера, она попросила срочно прислать дежурного инспектора.

9

Четверг, 11 декабря

В четверг Рой Грейс вернулся домой без четверти семь вечера. До конца недели, в течение которой он выполнял обязанности дежурного старшего следователя отдела тяжких преступлений Суррея и Суссекса, оставалось три с половиной дня. В семь утра понедельника эта ноша на следующие семь дней перейдет другому старшему офицеру.

Средний годовой показатель убийств в графстве Суссекс – двенадцать случаев, в Суррее – около десяти. В целом по Соединенному Королевству – около шестисот пятидесяти. Каждый детектив отдела убийств надеется заполучить дело с убийством. Не потому, что все они жаждут крови, а потому, что к этому их готовили, и для каждого убийство – наилучший вызов. К тому же успешное расследование тяжкого преступления – плюс в профессиональной биографии, улучшающий перспективы получить повышение.

Разумеется, Рой Грейс никому не желал смерти.

В последние годы выходные стали для него проклятием. Стоило только понадеяться на спокойный уик-энд, возможность заняться общественными делами или, в последнее время, побыть с женой Клио и их пятимесячным сыном, как его вызывали расследовать убийство. Вот и теперь он рассчитывал на тихие выходные, чтобы помочь Клио разобраться с вещами, подготовиться к намеченному на следующую неделю переезду из дома жены, в котором они сейчас жили, в купленный сообща коттедж возле деревни Хенфилд, в восьми милях к северу от Брайтона.

Поднявшись, Клио убрала альбом с образцами тканей и положила его на кофейный столик, поверх стопки других альбомов с образцами тканей и обоев.

Грейс повернулся к двенадцатилетней золотой рыбке Марлону:

– Переезжаешь в деревню. И как тебе это? У нас там будут куры. Ты ведь никогда не видел кур, а? Разве что по телевизору? Но ты ведь и телевизор не очень-то любишь смотреть, так?

Клио обняла мужа сзади и поцеловала в шею.

– Если бы несколько лет назад кто-нибудь сказал, что я буду ревновать к золотой рыбке, ни за что бы не поверила. Но так оно и есть. Иногда мне кажется, что Марлон тебе дороже меня!

Марлон открыл и закрыл рот, став на мгновение похожим на сварливого беззубого старика, неустанно кружащего по своему аквариуму, проплывающего между стеблями зеленых водорослей и над миниатюрными руинами греческого храма, который Рой купил, прочитав в каком-то журнале о том, как важно обеспечить золотую рыбку чем-то интересным.

Но, что бы ни покупал Рой, ничто не пробуждало интерес этого одинокого существа. За прошедшие годы он несколько раз подсаживал Марлону спутника, и каждая попытка заканчивалась одинаково: новоявленный дружок либо оказывался в брюхе этого мини-монстра, либо всплывал вверх брюхом, а Марлон продолжал как ни в чем не бывало кружить и кружить в стеклянной чаше.

Рой выиграл рыбку на ярмарке, куда ходил со своей давно пропавшей первой женой Сэнди, которую недавно, после десятилетнего отсутствия, официально признали мертвой, что позволило им с Клио пожениться. Приз он принес домой в наполненном водой пластиковом пакете. Согласно проведенным Сэнди изысканиям, ожидаемая продолжительность жизни ярмарочной рыбешки не превышала одного года.

С тех пор минуло одиннадцать лет, но Марлон только крепнул. В Книге рекордов Гиннеса, с которой Рой недавно проконсультировался, высшее достижение для золотых рыбок составляло тридцать пять лет. Срок немалый, тем более что Марлон не выказывал признаков усталости и явно не собирался склеить лапы в ближайшее время. И в душе Рой был этому рад. Неким странным образом – о чем Рой никогда не говорил Клио – рыбешка связывала его с

Сэнди. Он знал, что день смерти Марлона станет для него днем печали. Каждое утро, спускаясь вниз, Рой первым делом смотрел на аквариум, надеясь, что не увидит Марлона безжизненно покачивающимся на воде.

– Раз уж мы переезжаем, дорогая, то и Марлон тоже должен переехать. Я только что прочел в Интернете, что золотой рыбке требуется больший аквариум, чем принято думать.

– Неужели? И насколько большой? Размером с олимпийский бассейн?

Он усмехнулся.

– Нет, но все же достаточно большой, чтобы размять ноги или, как в нашем случае, плавники.

– Лишь бы не был больше нашего нового дома – или я взревную. И тогда – суши, любимый?

Он шутливо нахмурился.

– Даже не думай!

– Любишь меня – люби мою рыбку, так?

Он обнял ее.

– Господи, я тебя обожаю.

Клио посмотрела ему в глаза.

– А я тебя. Я люблю тебя так, детектив-суперинтендент Грейс, как никогда и представить себе не могла.

Она поцеловала его.

И тут зазвонил телефон.

Звонил Энди Энейкин – Гольф-99, как называли дежурного инспектора полицейского участка на брайтонской Джон-стрит, имевшего нехорошую репутацию второго по количеству происшествий в Англии. В отличие от большинства коллег, наделенных способностью сохранять спокойствие в любой ситуации, этот инспектор заслужил прозвище Паникер Энейкин. Паническая нотка пробивалась в его голосе и сейчас.

– Сэр, – с придыханием начал он, – детектив-инспектор, работающий сейчас по одному срочному делу, попросил меня позвонить вам и доложить о возможном случае похищения. Молодая женщина пропала после того, как сообщила по телефону жениху о присутствии кого-то постороннего в подземном гараже в Кемптауне.

– Какая информация у вас имеется по этому случаю? – с тревогой спросил Рой.

– В том-то и дело, сэр, что информации очень мало. Пока очень мало. Наши люди ходят сейчас по домам, ищут возможных свидетелей, и есть молодой человек, который полагает, что его невесту похитили. Мы делаем все, что в наших силах, сэр, но перспективы не очень хорошие. Оперативный дежурный уже уведомил центр кризисных ситуаций.

Сердце замерло от нехорошего предчувствия.

– Что известно об этой паре?

– Ее зовут Логан Сомервиль. Двадцать четыре года, недавно выучилась на хиропрактика, работает в Хоуве, на Портленд-Роуд. Жених – Джейми Болл. Менеджер по маркетингу в отделе корма для животных «Кондор фуд групп», работает в их офисе возле Кройдона. Мы сейчас ведем проверку.

По статистике в восьмидесяти процентах случаев жертвы насилия или убийства страдают от кого-то из родственников или близких, и Рой Грейс знал, что именно они всегда заслуживают самого пристального внимания со стороны следствия. Знал он и то, что позвонили ему не только потому, что он был дежурным старшим следователем, но и потому, что он имел квалификацию переговорщика в случаях похищения или захвата заложников. Но если данный случай действительно станет предметом активного расследования, выступать в обеих этих ролях ему не придется.

– Думаю, сэр, нам нужно блокировать все основные дороги, ведущие из графства, – продолжал Энейкин. – Выставить посты. Закрыть все порты. Я обратился в НПАС-15 с просьбой быть наготове.

НПАС-15 был позывным вертолета, базировавшегося сейчас в Редхилле и использовавшегося совместно полицейскими силами Суссекса и Суррея.

– Оставайся на связи, – сказал Грейс.

– Дело плохо, Рой. Говорю тебе, дело плохо!

– Успокойся, Энди. Возьми себя в руки! – повысил голос Грейс. – Что вы сделали для проверки факта предполагаемого похищения?

– На месте?

– В подземном гараже есть камера видеонаблюдения?

– Есть, но она не работает.

– Отлично, – поморщился Грейс. – Вы направили кого-нибудь осмотреть место происшествия? Может быть, кто-то видел что-то или слышал?

– У меня там два человека.

– Этого мало. Сейчас же отправь туда еще людей. С бойфрендом поговорили?

– С ним сейчас разговаривают. Я сам на месте. Попросил прислать кого-нибудь из Управления уголовных расследований, а потом подумал, что и тебе надо быть в курсе. Насколько я понял, женщина успела крикнуть и упомянула какого-то прячущегося в темноте незнакомца.

Грейс нахмурился. Все выглядело не очень хорошо, но и Энейкин, похоже, спешил с выводами, не рассмотрев все факты.

– Что известно о пропавшей женщине? Есть ли нечто такое, что могло сделать ее потенциальной жертвой похитителя? Она богатая наследница или у нее состоятельные родители?

– Я все это выясню.

– Да, выясни. И пожалуйста, дай мне знать, что и как. Минут через тридцать... или раньше.

– Есть, сэр.

Некоторое время Рой Грейс стоял, задумчиво глядя на аквариум. Мысли пришли в движение и набирали ход. Мобильная связь не самая надежная, и при ней возникают порой весьма странные звуки. Визг покрышек, скрип металлических ворот или какую-то помеху на линии вполне можно принять за крик. Но за двадцать лет службы у него развился мощный инстинкт, то, что называется полицейский нюх. И на этот раз запашок был определенно нехороший. Жестокая истина состоит в том, что в случаях похищения жертвы, как правило, погибают очень быстро. С каждым уходящим часом шансы найти похищенную живой падали все ниже.

Что им известно на данный момент? Позвонивший в полицию Джейми Болл работает в Кройдоне и возвращался домой. Проверить это будет нетрудно. В стратегических точках вдоль трассы М-23 размещены видеокamеры с функцией распознавания номеров, а триангуляция мобильного телефона укажет его приблизительное местонахождение в то время, когда он звонил своей невесте. Не составит труда проверить, звонила ли она на самом деле и где находилась в момент звонка. Но может быть, до этого дело и не дойдет и проблема разрешится сама собой. Не исключен случай, что она вот-вот объявится сама с кучей пакетов после набега на местный «Сейнзбериз». По крайней мере, Рой Грейс надеялся...

Наверху расплакался Ной, и Клио тут же поспешила к лестнице. Жизнь – штука непростая. Чертовски непростая. Грейс вдруг поймал себя на том, что завидует Марлону, простоте и ясности его существования. О чем беспокоиться рыбе? Положат ли в аквариум корм? Или Марлон воспринимает это как нечто само собой разумеющееся?

Марлона никто и никогда не ограбит. Никакой мошенник не лишит его сбережений. Его не обругают и не оскорбят, не убьют. Ему не грозит стать инвалидом в результате нападения террористов.

Мысли перенесли Роя Грейса в прошлый вечер, когда он вместе с Норманом Поттингом ездил в Уэртинг поговорить с матерью Беллы Мой. Он хотел увидеться с ней до похорон ее дочери, обсудить детали церемонии, узнать, не хочет ли она, чтобы он сказал что-то особенное. Белла, недавно обручившаяся с Норманом, одна из лучших в его команде, трагически погибла на пожаре.

Снова зазвонил телефон.

10

Четверг, 11 декабря

В четверть восьмого вечера Рой Грейс и детектив-инспектор Гленн Брэнсон спешили, склонив голову под проливным дождем, к ярким огням, освещающим палатку, установленную неподалеку от кафе «Бит бич» в Лагуне. Место происшествия обнесли двумя кордонами трепещущей на ветру оградительной бело-голубой ленты. Внутри кордона, правее первой палатки, стояла вторая такая же.

Вот тебе и тихий уик-энд, подумал Грейс. Сначала возможное похищение, а теперь еще и это. Если факт похищения подтвердится – а он все больше склонялся к тому, что так оно и будет, – то одно дело ему придется передать кому-то, поскольку вести два расследования одновременно он не может.

После звонка Паникера Энейкина – а это было минут тридцать назад – одна мысль не давала ему покоя. Пару недель назад – дежурным старшим следователем был тогда другой офицер – в соседнем приморском городке, Уэртинге, тоже пропала молодая женщина. Звали ее Эмма Джонсон, и ей было двадцать лет. Эмма Джонсон жила в неблагополучной семье, с матерью-алкоголичкой, и неоднократно пропадала и раньше. В одном случае ее нашли через несколько месяцев после исчезновения – в соседнем прибрежном городке, Гастингсе, где она жила с каким-то мелким наркодилером.

О последнем исчезновении сообщила мать Эммы, и полиция, изучив обстоятельства, отнеслась к делу с достаточной серьезностью. Эмму объявили пропавшей, были проведены следственные мероприятия. При этом в полиции исходили из предположения, что рано или поздно пропавшая где-нибудь объявится, а потому крупномасштабных поисков не велось. Тем не менее следователя назначили.

Перед тем как выйти из дому, Грейс открыл дело и посмотрел, есть ли у следствия какие-то подвижки. Он по собственному опыту знал, что в большинстве случаев пропавшие возвращаются в течение нескольких дней. Если человек отсутствует более месяца, высоки шансы, что он пропал навсегда.

Эмма Джонсон отсутствовала уже пятнадцать дней. В течение этого времени с ее мобильного ни разу не звонили, ее кредиткой ни разу не пользовались, и следователь в представленном рапорте выражал растущую обеспокоенность по поводу ее безопасности.

Обстоятельства исчезновения Логан Сомервилль выглядели иначе.

Подойдя ближе, Грейс и Брэнсон увидели припаркованный невдалеке белый фургон отдела тяжких преступлений и мокнущего под дождем постового. До них донесся гул работающего генератора. Рядом с фургоном стояли два полицейских автомобиля и серебристый «форд»-универсал.

Встречали их двое: высокий жизнерадостный Чарли Хепберн, дежурный инспектор Управления уголовных расследований, в синей накидке с капюшоном и защитных ботинках; и дежурный инспектор полиции Рой Эппс, в фуражке, с козырька которой стекали капли дождя.

– Хорошая погода для уток, – заметил Эппс.

– Ну, тебе лучше знать, – отозвался Брэнсон.

В своей прошлой жизни, до поступления на полицейскую службу, Эппс был заядлым охотником.

– Ха-ха!

– Рад тебя видеть, Чарли, – сказал Рой Грейс. – Как Рейчел, Арчи, мой тезка Грейс?

– У всех все хорошо, спасибо. Арчи и Грейс ждут не дождутся Рождества.

– Я бы тоже ждал, если бы не эти чертовы походы по магазинам, – проворчал Грейс. – Ну да ладно. Что у нас здесь?

– Полная неразбериха, – констатировал Хепберн. – И почему они не остановились сразу, как только увидели кости, а продолжали копать?

– Нам переодеться?

– Да уж лучше бы, чтобы Дэйв не возникал лишний раз. – Хепберн указал пальцем на палатку справа за дорожкой.

Грейс и Брэнсон прошли во вторую палатку. Следователь Крис Джи вручил каждому балахон и пару обуви и предложил чаю или кофе, от чего оба отказались.

Натянув на себя защитное снаряжение, они вышли из палатки, расписались в регистрационном журнале и проследовали за Хепберном в другую, ярко освещенную, палатку, накрывавшую обнажившиеся части скелета. Здесь стоял запах сырого грунта. Эксперт-криминалист Дэйв Грин, изучавший останки, стоя над ними на четвереньках, выпрямился и поздоровался с детективами.

– Я, прежде чем сюда приехать, навел кое-какие справки. Дорожку проложили двадцать лет назад, когда благоустраивали территорию кафе, задолго до его покупки Фэтбоем Слимом.

Грейс посмотрел на скелетированную руку, частично обнаженную грудную клетку и присыпанный мусором череп. Опустившись на колени, он вытащил фонарик и более тщательно изучил их в ярком свете. На черепе сохранился небольшой участок иссохшего кожного покрова, тут и там виднелись кусочки ткани. Судя по тому немногому, что было видно, тело захоронили целиком.

– Но уж тот, кто прокладывал дорожку, должен был увидеть тело, – сказал Гленн Брэнсон.

– Не обязательно, – покачал головой криминалист. – Мы находимся здесь ниже уровня грунтовых вод. Тело могли закопать глубже и присыпать землей, а потом вода постепенно вытолкала его ближе к поверхности, и дальнейший подъем остановил только асфальт.

Глядя задумчиво на находку, Грейс пытался вспомнить, что узнал год назад от местного судебного археолога Люси Сайбен об установлении возраста и пола по скелетным останкам.

– Женщина? – предположил он.

– Я так думаю, Рой, судя по форме черепа, но точно сказать не могу.

– Если повезет, получим из тела ДНК. Зубы целы и на вид довольно молодые. Может, найдем по зубной карте?

– Если она местная, шансы неплохие, – сказал Грин.

Но только для этого, подумал Грейс, надо точно знать, кто она – ведь национальной базы данных отпечатков зубов не существует.

Он присмотрелся к U-образной кости у основания челюсти.

– Гиоидная, если не ошибаюсь. Целая. Перелом указывал бы на удушение.

– Надо, наверное, вызвать полицейского врача, чтобы установил факт смерти? – предложил Гленн Брэнсон.

Грейс и Грин посмотрели на него с усмешкой. Впрочем, замечание вовсе не было таким уж бессмысленным. Должность коронера Брайтона и Хоува занимала доблестная леди, строго требовавшая соблюдения буквы закона. Полицейским уже приходилось получать от нее колкие замечания за неустановление должным образом факта смерти, независимо от степени разложения трупа.

– Позвони дежурному в службу коронера, – посоветовал Грейс. – Расскажи, что у нас здесь. Без их согласия трогать ничего нельзя. Сообщи, что я намерен вызвать судебного археолога и патологоанатома министерства внутренних дел. – Он взглянул на часы. – Но не думаю, что нам стоит беспокоиться из-за золотого часа.

Термином «золотой час» обозначали время после обнаружения предполагаемой жертвы убийства. Но в данном случае, когда возраст места преступления определенно превышал два-

дцать лет и рабочие уже частично нарушили его целостность, время играло куда меньшую роль, чем в случае со свежим телом.

Грейс посмотрел на Дэйва Грина и Гленна Брэнсона – те согласно кивнули.

Он снова уставился на кости. «Кем ты была? Что случилось с тобой? Кто тебя любил? Кто тебя убил? И почему? Думал ли убийца, что избежит наказания? Жив ли он еще? Мы обязательно все выясним, это я тебе обещаю».

Гленн достал телефон и вышел из палатки. Грейс уловил сладковатый запах сигаретного дыма – кто-то снаружи закурил. Он и сам с удовольствием бы сейчас затянулся – только бы не ощущать отвратительного зловония, распространившегося внутри этого пластикового кокона. Что ему нравилось в Клио – помимо многого другого, – так это то, что она, хотя сама и не курила, никогда не возражала, когда он позволял себе побаловаться сигаретой или сигарой.

– Стертость на зубах небольшая, – заметил Дэйв Грин. – Значит, умерла молодой. Около двадцати плюс-минус.

– Уверен?

– В этом – вполне. Но больше в общем-то ни в чем. Надо освободить остальную часть тела и дать поработать криминалисту. Я бы предложил Люси Сайбен.

– Думаю, на ночь надо все оставить как есть, а ее, если свободна, попросить прийти с утра пораньше. – Грейс кивком указал на останки. – Думаю, ей – если мы правы, и это действительно она – спешить уже некуда.

– У меня сегодня годовщина свадьбы, – сказал Дэйв Грин. – Если не приду вовремя, получу от Дженис розовый билет⁵.

Гленн Брэнсон вернулся в палатку.

– Разговаривал с Филипом Ки из службы коронера. Считает, нам бы лучше удостоверить факт смерти – на всякий случай.

– Да что ж это за дурацкая такая практика! – раздраженно проворчал Грин и ткнул пальцем в череп. – Что тут удостоверить – уж мертвее некуда!

Где-то поблизости тявкнула собака. Через пару секунд в палатку, откинув полог, заглянул Крис Джи.

– Сэр, там у нас какой-то джентльмен прогуливается. Увидел полицейские машины, спросил, может ли чем помочь. Говорит, он доктор.

Грейс и Брэнсон переглянулись.

– Доктор? Вот так удача, а? Спроси-ка, не согласится ли он подтвердить факт смерти.

Через несколько минут в палатку вошел – уже в защитном снаряжении и с маской на лице – невысокий подтянутый мужчина лет пятидесяти с небольшим.

– Здравствуйте. Я Эдвард Крисп, местный терапевт, – бодро представился он. – Вышел прогулять пса – за ним ваш коллега сейчас присматривает, – и вижу, тут что-то случилось. Вот и подумал, может, какая-то помощь требуется. Я одно время, лет пятнадцать назад, сотрудничал с полицией Брайтона и Хоува, был полицейским врачом по вызову.

– Да, – кивнул Грейс. – Я вас помню по имени. Что ж, со временем вы отлично подгадали. – Он показал на обнажившиеся останки. – Рабочие раскопали сегодня. Понимаю, прозвучит странно, но нам нужно получить подтверждение факта смерти. Вы не откажетесь сделать нам одолжение?

Доктор Крисп опустился на колени и некоторое время осматривал череп, а потом прошелся взглядом по остальным костям.

– Что ж, сомневаться и впрямь не приходится. Бедняжка.

– Женщина? Вы уверены?

⁵ Розовый билет (*англ.* pink ticket) – в британском флоте так называли разрешение от супруги, позволявшее женатому офицеру провести вечеринку без ее участия.

Доктор ответил не сразу.

– Ну, студентом я был давно, но кое-что помню, и, судя по форме черепа, это все-таки женщина. А состояние зубов говорит нам о том, что ей было около двадцати.

– Как по-вашему, сколько она здесь пролежала? – спросил Гленн Брэнсон.

Эдвард Крисп покачал головой.

– Не хочу гадать, – чтобы получить такого рода информацию, вам нужен судебный археолог. Ну а в вопросе смерти сомнений нет. Буду рад подтвердить, что вижу скелет без признаков жизни. Вам это поможет?

– Весьма, – сказал Рой Грейс.

– Что-нибудь еще?

– Оставьте, пожалуйста, ваши координаты – я пришлю кого-нибудь утром за официальной бумагой.

– Разумеется. Без проблем. – Доктор улыбнулся. – Пока-пока!

11

Четверг, 11 декабря

Джейми Болл сидел на табурете у барной стойки – с пивом в одной руке и телефоном в другой. Повернувшись спиной к дождливой тьме за окном, он обзванивал их общих друзей. Сначала прошелся по подругам Логан, потом позвонил ее сестре, брату, родителям. И всех спрашивал об одном: не у них ли она. Разговаривая, Джейми смотрел то на тропическую рыбку в аквариуме, то на фотографию, ту, на которой они вдвоем на фоне обрамляющих горизонт заснеженных пиков, в лыжных костюмах, стояли на вершине Кляйн-Маттерхорн, в Церматте, куда ездили в прошлом марте. Оба смеялись какой-то шутке, которую отпустил, фотографируя, их приятель Джон.

Джон – он и познакомил их годом раньше – придерживался бесхитростной философии, над которой они часто посмеивались. *Вставай, веселись и спать ложись!*

Но сейчас Джейми было не до смеха. Он смотрел на женщину, которую любил больше, чем это казалось ему возможным, и которая, как он еще надеялся, станет его женой, и по щекам текли слезы.

Ей двадцать четыре, у нее длинные каштановые волосы и заразительная улыбка, обнажающая идеально белые зубы. Когда он увидел ее в первый раз, она напомнила ему молодую Деми Мур в одном из его любимых фильмов, «Привидение». А она сказала, что он напомнил ей молодого Мэтта Деймона, только как-то не по мэтт-деймонски. Что бы это значило? Такая вот она, временами чудная и непонятная.

Боже, как он любил ее.

«Пожалуйста, милая, пусть с тобой все будет хорошо. Пожалуйста, вернись домой. Пожалуйста, вернись домой».

Каждый раз, услышав из коридора какой-либо звук, Джейми поворачивался и ждал – вот сейчас дверь откроется и войдет Логан.

Он повернулся к констеблю Холидей, которая сидела на софе и что-то писала, и спросил, есть ли новости.

12

Четверг, 11 декабря

Голова гудела. Логан лежала на спине, совершенно дезориентированная, не имея ни малейшего представления, где она, и дрожа от холода. Ощущение было такое, словно ее погрузили на лодку. И еще очень хотелось писать. Просто отчаянно. Логан держалась. В нос бил отвратительный запах – плесени и чего-то более крепкого. Прошлым летом, возвратившись с Джейми домой после двухнедельного отдыха на греческом острове Спецес, они обнаружили, что главный предохранитель в квартире сгорел и холодильник с морозильником отключились в самый разгар августовской жары. Там был такой же запах.

Открыв дверцу морозильника, они увидели два стейка с копошащимися червями и ярко-зеленого, чуть ли не светящегося цыпленка. Вонь от разлагающейся плоти была такая, что их едва не вырвало. Несколько дней они держали окна открытыми, жгли ароматические свечи и постоянно опрыскивали квартиру освежителями воздуха, чтобы избавиться от смрада.

Кошмарный сон?

Но глаза-то открыты. Логан видела чахлое зеленоватое мерцание. Она лежала в некоем контейнере, сжатая с обеих сторон так, что не могла пошевелить даже локтями. Перед глазами все расплывалось, как будто в них закапали какие-то капли. Голову словно набили ватой. Логан попыталась сесть, и что-то жесткое больно, едва не задушив, сдавило шею.

Она вскрикнула.

Что за черт?

Где она?

Память возвращалась. И вместе с памятью накрыл ужас. В груди зашевелилось темное чувство страха.

Логан вспомнила, как въехала на подземную парковку. Неясная фигура в тени. И вдруг – кто-то у окна машины. Он распахивает дверцу...

Шипение газа.

Резь в глазах.

И потом – ничего.

13

Четверг, 11 декабря

– Мне для столовой нравятся вот эти обои, от «Фэрроу энд Болл», – сказала Клио. – А ты что думаешь?

Вопрос жены вернул Роя Грейса в те времена, когда они с Сэнди, почти двадцать лет назад, купили свой дом. Только вот разница – он понял это лишь теперь – заключалась в том, что Сэнди все делала сама, ничего с ним не обсуждая и не спрашивая его мнения.

Домой Рой заскочил по пути в Чешам-Гейт – поделиться с Клио новостями. Глядя на разложенные на софе образцы с серо-белыми зигзагами, он думал, что Сэнди выбрала бы что-то совершенно противоположное. Ей нравились минимализм и простота.

– Да, – немного рассеянно отозвался он.

На полу и кофейном столике валялись кусочки тканей и альбомы с образцами. Хамфри, вместо того чтобы посидеть спокойно, постоянно расхаживал по комнате и, словно чувствуя приближающуюся перемену, нигде не мог найти себе место.

Сейчас бы выпить. Водки с мартини или большой бокал холодного белого вина. Но, будучи при исполнении да еще и принимая во внимание последние события, Рой не мог этого позволить. Часы показывали двадцать минут девятого. Чуть раньше ему позвонил Паникер Энейкин. Сообщил, что новостей нет и что его дежурство заканчивается. Он уже ввел сменщика в курс дела, и они договорились, что Рой встретится с новым дежурным на парковке Чешам-Гейт через двадцать минут.

Элегантные, подумал он, разглядывая образец обоев.

– А тебе не кажется, что они слишком строгие?

– Я хотела бы сделать бордюры на уровне пояса, чтобы выше все белое, а цвета добавить шторами и... – Клио не договорила – позвонил его рабочий телефон.

Рой извинился и, достав мобильник, поднес его к правому уху.

– Рой Грейс, – сказал он нейтральным тоном.

Звонил заступивший на двенадцатичасовую смену Гольф-99, инспектор Джозеф Уэббон.

– Сэр, я в курсе, что мы встречаемся через двадцать минут, но ситуация с пропавшей, Логан Сомервиль, выглядит не очень хорошо. Никаких сообщений от нее не поступало. Мы проверили систему автоматического определения номера, и камера засекла машину Болла в нескольких местах, совпадающих с маршрутом, которым он, по его словам, возвращался с работы, из Кройдона в Брайтон.

Несколько секунд Грейс молчал, обдумывая новость и взвешивая варианты. Когда человек пропадает, чаще всего к этому бывает причастен кто-то из знакомых, обычно партнер. Случается, люди бегут от нестерпимых отношений, срываются с любовником или любовницей, попадают в происшествия или даже совершают самоубийство. Нередко полиция тратит впустую время, разыскивая пропавшего, который, как потом выясняется, сидит в соседнем доме и смотрит с другом телевизор. Но данный случай, похоже, из другой категории.

Паникер Энейкин почти сразу решил, что речь идет о похищении. Возможно, инспектор и не ошибся, хотя Грейс надеялся на иной исход событий. Не пропустил ли он чего-то, что указывало бы на жениха? Похоже что нет.

– Значит, Болла из подозреваемых исключаем? По крайней мере, на данном этапе?

В голосе Уэббона прозвучало сомнение.

– Патрульные обнаружили в квартире кровь – немного, но довольно свежей. Болл объяснил, что женщина, вставая с постели, споткнулась и поранила палец на ноге о дверь в ванную. Должна была отправиться в больницу. Мы проверили – в отделении экстренной медицинской помощи ее этим утром не видели.

– Домашнее насилие?

– Да, в управлении такую возможность допускают. Но есть кое-что еще. Новые данные. Мы обошли все квартиры в доме, спрашивали, был ли кто-нибудь на парковке в то время, когда она позвонила жениху. Нашли одну леди. Говорит, что при въезде в гараж ей пришлось резко затормозить, чтобы не столкнуться с универсалом с затемненными стеклами, который выезжал на большой скорости.

– Она запомнила регистрационный номер? Рассмотрела водителя?

– К сожалению, не очень хорошо. Говорит, испугалась. Он был в шляпе, глубоко надвинутой на глаза. Белый, среднего возраста, чисто выбрит, лицо круглое, в очках. В моделях автомобилей она плохо разбирается. Говорит, машина среднего размера, темного цвета. Возможно, старый «вольво». Синий или темно-серый.

– Описание передали в диспетчерскую?

– Да, сэр, они там уже работают.

– Как зовут свидетельницу?

– Шэрон Павони.

– Возможно, ничего и не получится, но нам нужно как можно скорее провести с ней когнитивное интервью. Посмотреть, что еще она может вспомнить.

Когнитивное интервью свидетеля – совершенно особый метод, применяемый специально обученными экспертами, которые могут извлечь из памяти свидетеля информацию, о существовании которой он даже не догадывается. Грейс посмотрел на часы. Пожалуй, сегодня организовать это уже нереально – слишком поздно.

– Займемся этим завтра, с утра пораньше, если, конечно, Логан Сомервиль не объявится к тому времени. Мне нужна ее контактная информация. Ее и этого парня... жениха. Я хочу, чтобы пригласили обоих.

Уэббон продиктовал номера телефонов, Грейс их записал.

– Нужно опечатать подземную парковку, никого не впускать и не выпускать. Полагаю, это уже сделано. «Фиат» мисс Сомервиль доставить для осмотра, но сначала вызовите эксперта разыскного отдела с командой – пусть поищут отпечатки. Будем считать, что мы имеем дело с преступлением.

Специалисты из разыскного прочешут территорию частым гребнем; если там что-то есть – пятнышко крови или окурков, – они найдут.

Закончив разговор с Уэббоном, Рой Грейс позвонил сначала Неву Кемпу и дежурному центра кризисных ситуаций Тингли и лишь затем своему новому боссу и бывшему противнику, помощнику главного констебля, Кэссиану Пью. Протокол требовал уведомлять обоих начальников о каждом крупном расследовании, чтобы они не узнали об этом от какого-нибудь репортера и не попали в неловкую ситуацию.

Пью ответил сразу же.

– Рой, рад тебя слышать, – произнес слащавый голос. – Как дела?

Где-то на заднем фоне громко звучала оперная музыка, торжественная, похоронная.

Полтора года назад Пью, временно направленный в Брайтон лондонской полицией, на несколько недель превратил жизнь Грейса в сущий ад. Он даже распорядился перекопать его сад, в котором надеялся обнаружить останки Сэнди. Между двумя офицерами вспыхнула жестокая вражда, в разгар которой Грейс сначала спас противнику жизнь после драматической автомобильной погони, а потом обвинил его в фальсификации улики. Униженный, поджав хвост, Пью попросил перевести его в столицу, что и было сделано.

Чего Рой Грейс не знал тогда – и до сих пор, – так это того, что много лет назад у Пью случился недолгий роман с Сэнди.

И вот теперь, к полному ужасу Грейса, Пью вернулся в суссекскую полицию в качестве помощника главного констебля, став его непосредственным начальником. Уходивший в

отставку главный констебль Том Мартинсон постарался убедить Грейса, что Пью не питает к нему враждебных чувств. Пока, по крайней мере, все шло хорошо, но Грейс понимал, что за притворной доброжелательностью помощника главного констебля Кэссиана Пью скрывается неутоленная жажда мести и давний враг только поджидает удобного случая. Грейсу приходилось соблюдать величайшую осторожность, чтобы не проколоться.

Доложив о пропавшей женщине и сообщив имеющуюся на данный момент информацию, он отчитался о предпринимаемых действиях и, отдельно, рассказал о находке в Лагуне.

Уже заканчивая, он услышал, как наверху заплакал Ной. Клио знаком показала, что все в порядке, и поспешила подняться.

С минуту Грейс стоял на месте, обдумывая ситуацию. В считанные часы судьба подбросила ему два совершенно разных дела. Скелет в Лагуне и потенциальное похищение. Заниматься сразу обоими он не мог, а значит, одно следовало передать другому детективу. Останки в Лагуне пролежали под землей по меньшей мере двадцать лет, так что особой срочности там не требовалось. Главным были сейчас, несомненно, поиски Логан Сомервиль.

Он позвонил Гленну Брэнсону и, рассказав о последних новостях, назначил его старшим следователем по делу в Лагуне. Полицейский компьютер, перебрав знаменитые картины, присвоил расследованию кодовое название – операция «Мона Лиза». Брэнсону надлежало обеспечить изъятие останков под наблюдением судебного археолога и доставку их в морг. Потом он связался с детективом-сержантом Гаем Батчелором и попросил собрать следственную группу для операции «Воз сена» – так теперь называлось расследование исчезновения Логан Сомервиль.

И не такое уж дурацкое название. Поиски пропавшего сродни поискам иголки в стогу сена, но только с одной оговоркой. Сначала надо отыскать этот самый стог.

14

Четверг, 11 декабря

Кап... кап... кап... Вода капала где-то рядом, где-то близко. Где она? И что это – дождь снаружи или протечка?

Кап... кап... кап... Каждая капля отдавалась громким эхом, как будто земля, на которую она падала, сделалась натянутой на барабан кожей. Чтобы чем-то занять себя, сосредоточиться, отвлечься от ужаса и холода, Логан мысленно считала промежутки между каплями. Сто один... сто два... сто три...

Кап.

Пятнадцать секунд.

Горло пересохло, отчаянно хотелось пить. Ее била нервная дрожь, а рождающееся глубоко внутри ощущение беспокойства распространялось из живота вверх по телу, как бывало всегда, когда в крови понижался уровень сахара. Сейчас он понизился очень сильно. И по-прежнему хотелось писать.

Глаза как будто опухли, и Логан видела перед собой только зеленую дымку. Словно ей надели чужие очки, очки человека с очень слабым зрением. Но ведь она никогда не носила никаких очков? Адски чесался нос, но руки были скованы, и она ничего не могла с этим поделать. Логан понимала, что скоро отключится. Держаться помогала только злость.

Злость и страх.

– Эй! – крикнула она.

Голос прозвучал глухо, словно ушел в вату.

– Эй! – позвала она громче.

Должно быть, это сон. Кошмар. Осознанное сновидение. Да, именно так, осознанное сновидение. Она читала о таком. Ты спишь, видишь сон и сознаешь, что все происходит с тобой во сне.

Надо заставить себя проснуться.

Она попыталась, но ничего не вышло.

А потом вдруг свет. Зеленая дымка вспыхнула ярким, пронзительным белым светом, до боли режущим глаза, слепящим, как паяльная лампа.

– Эй! Джейми? Это ты, Джейми? Пожалуйста, давай поговорим. Пожалуйста. Знаю, ты расстроился из-за того, что я разорвала помолвку, но, пожалуйста, хватит. Пожалуйста. Пожалуйста.

Тишина. Потом скользкий звук. Как будто что-то сдвигалось. В лицо дохнуло холодным воздухом.

Кто-то стоял над ней. По коже побежали мурашки.

– Джейми! – крикнула она. – Что тебе надо? Какого черта ты делаешь? Отпусти меня! И, ради бога, дай мне сахара, шоколадку – у меня начинается гипогликемия. Джейми. Джейми. Джейми. Это ты, Джейми? Ты же знаешь, что случится, если сахар упадет слишком низко. Пожалуйста, срочно дай мне сахара. Пожалуйста! Джейми-и-и-и-и-и!

Снова тот же скользкий звук. Она больше не чувствовала холодного воздуха.

Возможно ли, что это Джейми? Что он так разозлился из-за того, что она отменила свадьбу? Неужели она пропустила какую-то черточку в его характере? Неужели это все подстроил он?

Яркий свет померк, удалился под аккомпанемент едва слышных шагов. Закрылась дверь. Где-то поблизости что-то щелкнуло, и через секунду Логан услышала мучительный женский крик:

– Помогите!

Ужас моментально заполнил все клеточки ее тела.

– Помогите! – услышала она снова. И еще один крик – низкий, вырванный болью. – Нет! Нет, пожалуйста! Не-е-е-е-ет!

И еще один – пронзительный, жалобный.

Она не могла больше контролировать себя и стыдливо выпустила все, что держала так долго. Она ждала, что почувствует теплую струю между ног, но что-то неким образом впитало в себя мочу.

Теперь Логан знала точно – это не сон.

15

Четверг, 11 декабря

В двадцать минут одиннадцатого в квартире зазвонил входной звонок. Понимая, что немного пьян, Джейми вскочил, бросился к передней двери и увидел на черно-белом экране мужское лицо над поднятым воротником.

– Да?

– Мистер Болл?

– Да, – нервно выпалил он.

– Детектив-суперинтендент Грейс. Я могу поговорить с вами?

– Пожалуйста, поднимайтесь. Девятый этаж.

Через две минуты Джейми открыл переднюю дверь и увидел перед собой приятного на вид мужчину лет сорока, с суровым лицом, коротко подстриженными, уложенными с гелем волосами, носом, выглядящим так, словно его ломали, и, возможно, не раз, и пронзительными голубыми глазами. Гость показал удостоверение и представился:

– Детектив-суперинтендент Рой Грейс, отдел тяжких преступлений полиции Суррея и Суссекса. Есть что-то от вашей невесты?

– Нет. Ничего. Ни слова. Пожалуйста, проходите. И спасибо, что пришли. Бокал вина?

– Нет, спасибо, не беспокойтесь.

Грейс уже уловил идущий от молодого человека запах спиртного и заметил, что держится тот немного неуверенно. Плотный, бородатый, с фигурой регбиста и современной – волосы как будто стоят дыбом – прической. Одет в кардиган с V-образным вырезом поверх белой футболки и джинсы, на ногах – серые носки.

Они прошли в гостиную, частично отделенную от кухонной зоны барной стойкой, на которой стояло несколько пустых банок из-под пива и стакан. Джейми предложил детективу садиться, указав на две маленьких софы по обе стороны кофейного столика с лежащими на нем газетой «Брайтон энд Хоув индипендент» и журналом «Лейтест».

Сидевшая на другой софе Сьюзи Холидей поднялась и приветствовала Грейса уважительным «Добрый вечер, сэр».

Суперинтендент снял пальто, аккуратно его сложил и положил рядом с собой.

– Пожалуйста, мистер Болл, назовите ваше полное имя.

– Джейми Гордон Болл.

Внимательно глядя на молодого человека, Грейс спросил:

– Когда вы в последний раз видели Логан?

– Сегодня утром, около семи часов. Она, когда вставала, споткнулась и до крови разбила палец о дверь в ванную. Я бы сам отвез ее в больницу, но на сегодня у меня была назначена важная рабочая встреча.

Грейс записал его ответ, но комментировать никак не стал.

– Она не говорила, что собирается после работы куда-то отправиться?

– Нет, ничего такого. Мы планировали взять что-нибудь в китайской закускойной – заведение здесь недалеко, и они доставляют заказы, так что мы часто так и делаем – и посмотреть пару серий «Во все тяжкие».

– Отличный сериал, – заметил Грейс.

– Да, мы оба крепко на него подсели.

– Где работает ваша невеста?

– В Хоуве. Она хиропрактик и работает в клинике на Портленд-Роуд.

Пока что язык тела молодого человека указывал на то, что он говорит правду.

– Как бы вы охарактеризовали ваши нынешние отношения?

Болл немного помолчал, потом сказал:

– Мы любим друг друга.

Впервые за время разговора Грейс заметил признаки того, что собеседник, возможно, врет.

– Вы уже определились с датой свадьбы? – продолжал он.

Болл явно чувствовал себя не в своей тарелке.

– Да... То есть не совсем.

– Не совсем?

– Ну, мы как бы... обсуждали это.

– Как бы?

– Да. – Он замялся и неловко пожал плечами.

Теперь Грейс наблюдал за ним еще внимательнее.

– У Логан бывало такое раньше? Чтобы не возвращалась домой?

– Нет, никогда. Послушайте... я слышал, как она вскрикнула. Не знаю, спускались ли вы на стоянку, но место, если честно, жутковатое. Там уже и машины взламывали, и кражи случались. Управляющей компании на все наплевать. Она позвонила мне и сказала, что видела кого-то, когда заезжала. А потом вскрикнула. И тогда я...

Джейми закрыл лицо ладонями.

Грейс смотрел на него. Болл не играл, его горе было искренним. И в то же время, характеризуя свои отношения с невестой, он испытывал, похоже, некоторое неудобство. Что-то было неправдой.

– Послушайте, детектив... суперинтендент... Послушайте, с ней что-то случилось. Это совершенно не в ее характере. Что-то случилось. Логан – сильная девушка. Я никогда не слышал, чтобы она кричала от испуга. Страх... в ее голосе был страх.

– Что, по-вашему, с ней могло случиться?

Джейми решительно покачал головой:

– Не знаю. Но думаю, что ее похитили. Забрали.

– Вы ведь смотрите «Во все тяжкие»?

– Да.

– Много смотрите полицейских сериалов?

– Да, довольно много.

– Уверены, что они на вас не повлияли? Вы на сто процентов уверены, что ее похитили, что она не ушла куда-то по собственной воле?

– Да, уверен. – Он твердо посмотрел Грейсу в глаза.

Минут через десять суперинтендент вышел из квартиры, не уверенный ни в чем, кроме одного. Логан Сомервиль пропала.

Данные системы видеорегистрации вроде бы исключали Джейми Болла из числа подозреваемых. И в то же время язык его тела говорил, что он как будто бы виновен. В чем-то.

Так в чем же он врет?

Отъезжая от дома, Грейс сделал мысленную пометку: утром первым делом дать задание кому-нибудь из отдела по связям с семьей – может быть, специалист сумеет пролить больше света на отношения этой пары.

16

Четверг, 11 декабря

Для каждого *проекта* у меня есть отдельная кабинка в помещении, которое я называю *коррекционной камерой*. Кабинки подключены к канализационной системе, *проекты* обеспечены одноразовыми подгузниками для взрослых. Чистота важна для поддержания морального состояния. Я забочусь об их здоровье, снабжаю витаминами, нутриентами, электролитами. Я хочу, чтобы они прожили по возможности дольше. И чтобы, когда придет время проститься, у меня была возможность выбирать. Все сводится к власти. Власть – это так возбуждает.

Я не люблю называть их жертвами. Предпочитаю этот термин – *проекты*.

Я не жестокий человек, нет. Однажды, в детстве, убил воробья выстрелом из рогатки. До сих пор помню, как птичка падала, кружась и кружась, словно вертолет. У меня и в мыслях ничего такого не было – просто выстрелил, ради забавы. Воробей упал на землю, и я подобрал его. У пташки были такие мягкие перышки и такое теплое тельце, что я расплакался и попытался вернуть ее к жизни своим дыханием через ее крошечный клюв.

Потом я выкопал для него ямку, положил воробышка на дно, попросил прощения, присыпал землей и прочитал молитву.

Несколько дней после этого я чувствовал себя препаршиво. Но тогда же внутри меня что-то проснулось. Каждый раз, когда смотрел потом на какую-нибудь птичку, я думал о той силе, которую открыл в себе.

Силе смерти.

Убивая, я чувствую себя сильным. Кто-то скажет, что это зло.

В том-то и дело: а существует ли зло? Да, конечно, если только веришь в Бога. В противном случае ты веришь в выживание наиболее приспособленного. А это значит, что я выживаю, а другие, те, кого я выбираю, чтобы убить, – нет.

Сегодня я решил убить. Я ждал этого момента много дней, нет, недель!

Но тебе, конечно, не дано понять, какое удовольствие я при этом получаю.

17

Четверг, 11 декабря

Последний час вода постепенно наполняла резервуар. Зажимы на шее, запястьях, животе, бедрах и лодыжках удерживали ее на дне резервуара и не давали пошевелиться. Вода уже подступила к подбородку. Еще несколько минут, и она накроет рот. А потом и нос.

Он смотрел на нее через очки ночного видения и в монохромном зеленом свете наблюдал ужас на ее лице. Свет в коррекционной камере включался редко – ему нравилось держать свои *проекты* в темноте, чтобы они не видели друг друга. Держать во мраке. Ему нравилось это выражение.

Каштановые волосы колыхались на воде, обрамляя ее лицо. Зрелище было красивое, и он сфотографировал ее в инфракрасном свете. Она смотрела на него, и казалось, вот-вот закричит. Некоторые *проекты* кричали так, что его пронзала волна желания. Эта – нет. У этой крик был ужасно уродливый. Странно, что такая красивая женщина, с такими очаровательными губами производила столь омерзительный звук.

Он поднес палец к губам, наклонился и поцеловал ее, крепко, словно запечатывая, прижавшись губами. А потом поднял руку в хирургической перчатке и двумя пальцами сжал ноздри. Он не отрывался от ее губ и, пока она сопротивлялась и билась, высасывал, высасывал, высасывал из нее последнее дыхание, чувствуя, как вода поднимается к его лицу, но не отрываясь. Потом он разжал пальцы, отпустил ее губы и выпрямился, наблюдая за поднимающимися пузырьками. Их было совсем не много.

Он забрал у нее последнее дыхание.

Теперь она принадлежала ему. Навечно.

Скоро, пока она еще теплая, он займется с ней любовью.

И она не сможет ему отказать!

18

Пятница, 12 декабря

Утро не принесло никаких новостей относительно Логан Сомервиль, и сознание этого давило на Роя Грейса, только что вернувшегося с совещания в оперативном штабе, тяжелой ношей.

Дождь прекратился ночью, и небо в прогалинах между пронесившимися над Лагуной обрывками туч сверкало чистой, холодной голубизной. Место обнаружения останков окружали два кордона бело-голубой ленты, каждый из которых охранял постовой. За внешним кордоном собралась небольшая кучка зевак; некоторые щелкали камерами телефонов. Установленные за внутренним кордоном четыре синие палатки экспертно-криминалистической службы дрожали и потрескивали под сильным соленым ветром, дующим прямо с Пролива; отяжки напрягались, стараясь вырвать из земли колышки.

С прошлого вечера, когда Грейс был здесь с Брэнсоном, ситуация изменилась: казалось, сюда нагрянула целая армия. Кружащий над всем этим полицейский вертолет НПАС-15, с борта которого производилась фотосъемка местности, усиливал впечатление проводимой военной операции. Неподалеку стояло несколько автомобилей, фургонов и легкий экскаватор. Один фургон принадлежал отделу тяжких преступлений, другой – строительной компании, а среди частных машин Рой Грейс с облегчением заметил желтый СААБ судмедэксперта министерства внутренних дел Надюшки Де Санча.

Из двух обслуживающих район специалистов-патологоанатомов, вызываемых для расследования случаев предполагаемого убийства, все следователи в Суррее и Суссексе предпочитали приятную яркую Надюшку ее коллеге, педантичному и высокомерному доктору Фрейзеру Теобальду. И дело было не только в том, что она была хорошим специалистом, но и работала быстро и легко.

Полицейский художник наносил на бумагу детальный план места, другой эксперт, как и все прочие, в защитном облачении, перчатках, маске, шапочке и бахилах, обследовал прилегающую территорию с помощью георадара – рядом с одним телом могли находиться и другие.

Возле фургона строительной компании собралась группа рабочих в водоотталкивающих куртках; некоторые пили чай или кофе, а один пытался, вопреки треплющему страницы ветру, читать «Сан». Фотограф-криминалист Джеймс Гартрел – Рой Грейс встречался с ним много раз – фотографировал место происшествия и вел цифровую съемку.

Пройдя вместе с Гленном Брэнсоном мимо стайки зевак и повернув к потирающему руки от холода постовому, Грейс взглянул на часы. Чайки, словно буйки, подпрыгивали на волнах беспокойной лагуны, а чуть дальше какой-то виндсерфер в гидрокостюме, стоя на доске, пытался поднять упавший в воду парус. Они уже расписались в регистрационном журнале, когда Грейс услышал за спиной женский голос:

– Детектив-суперинтендент!

Обернувшись, оба детектива увидели спешащую к ним молодую симпатичную блондинку в ярко-красном макинтоше. Шивон Шелдрейк, недавнее прибавление в репортерской команде «Аргуса», сменила прежнего ведущего криминальной рубрики Кевина Спинеллу, долгие годы бывшего для Роя Грейса настоящим проклятием.

Отношения с прессой – жизненно важный аспект в работе полиции. Прессе нужны сенсационные истории, что неизбежно влечет за собой необходимость разностороннего общения с полицией. С другой стороны, при проведении крупномасштабных расследований пресса может сыграть важную роль, когда требуется публично обратиться к населению с просьбой откликнуться тех, кто стал свидетелем происшествия. Грейс надеялся установить с новым репортером лучшие, чем с прежним, отношения.

– Доброе утро! – любезно сказал он, повысив голос на фоне громкого шума, производимого лопастями вертолета. – Вы уже знакомы с моим коллегой, детективом-инспектором Брэнсоном?

– Да! – прокричала она, едва ли не лукаво улыгнувшись Гленну. – Приятно снова видеть вас, инспектор.

– И мне вас тоже, Шивон, – отозвался Брэнсон. – Как дела?

– Ну, знаете, слухом земля полнится. Вы, джентльмены, определенно явились на детскую площадку не на качелях покачаться и не на карусели покружиться. И, судя по одежде, уроки виндсерфинга вас тоже не интересуют!

Гленн чуть заметно склонил голову набок, а Грейс заметил, что между этими двумя явно проскочила искорка.

– Какое тонкое наблюдение, – сказал Брэнсон. – Вам бы детективом быть.

Шивон улынулась:

– Так как, мне подождать брифинга, чтобы узнать, что здесь происходит, или можно выдать материал про тело, выкопанное прошлым вечером рабочими?

– На данный момент, – ответил Рой Грейс, – вы, похоже, знаете не меньше нас.

– Женщина или мужчина? Вы уже определили возраст? Долго оно здесь пролежало? – Шивон кивнула в сторону большой палатки. – У вас здесь криминалистическая бригада едва ли не в полном составе и судмедэксперт из Хоум-офиса. Я так понимаю, что и судебный археолог тоже здесь. Получается, вы тратите серьезные деньги при общем сокращении бюджетных расходов на полицию, а значит, наткнулись на что-то, заслуживающее расследования. То есть это не исторические останки?

Умна, подумал Грейс, с трудом удерживаясь, чтобы не улыбнуться в ответ на ее усмешку. Она была не только красива, но улыбалась так заразительно.

Гленн Брэнсон ткнул пальцем в своего коллегу и лучшего друга:

– Надеюсь, ваш комментарий не относится к этой развалине? – Он ухмыльнулся. – Извини, старичок.

– Очень остроумно, – проворчал Грейс.

Шивон улынулась:

– Об этом я писать не буду.

Она обладала способностью сразу расположить к себе. Казалась намного более искренней, чем большинство журналистов, сталкиваясь с которыми доводилось Грейсу. Хорошо информирована. И, черт возьми, не поленилась приехать пораньше. Такое усердие достойно награды.

– Как только узнаем побольше, инспектор Брэнсон проведет брифинг. Пока же могу сказать, что вчера, вскрывая асфальт на дорожке, рабочие наткнулись на человеческие останки. Предположительно, женщина. Возраст мы пока не определили, как и то, сколь долго останки здесь пролежали. Ясно только, что тело закопали до прокладки дорожки двадцать лет назад. Надеюсь, в течение дня мы получим новые данные.

– А нельзя ли мне заглянуть в палатку? Одним глазком?

Гленн Брэнсон насмешливо посмотрел на Грейса.

– Боюсь, на данной стадии это невозможно, – ответил суперинтендент.

– От службы коронера кто-то есть?

– Неужели вы чего-то еще не знаете? – поддразнил ее инспектор.

Шивон усмехнулась.

– Да. Я же новенькая, сэр.

– Сюда едет Филип Ки. Но не думаю, что у него будет что-то для вас. Полагаю, вам придется подождать брифинга.

Она пожала плечами:

– Что ж, ладно. Я поболтаюсь здесь немного, если вы, парни, не возражаете?

– Это общественный парк, – заметил Гленн. – Делайте что хотите. Но вот что я вам скажу. Если бы мне была нужна хорошая история, я бы наведлся к Норману Куку. Поинтересовался бы у Фэтбоя Слима, как чувствует себя наша местная рок-звезда, чье кафе оказалось рядом с местом преступления.

Шивон мгновенно оживилась:

– А вы правы! Так я и сделаю. Спасибо!

– Дайте мне знать, если вам понадобится агент, – сказал Гленн. – Готов потрудиться на разумных условиях.

Она повернулась к Грейсу:

– Кстати, есть новости по другому делу? Я имею в виду пропавшую женщину, Логан Сомервиль? Операция «Воз сена», да?

Грейс даже опешил. Откуда такая осведомленность? Ее предшественника выгнали из «Аргуса» за незаконную прослушку телефонов, благодаря чему он постоянно получал доступ к закрытой информации. Не тем ли занимается и Шивон Шелдрейк? Или обзавелась источником в полиции? Он только что провел первое рабочее совещание по делу Логан Сомервиль и собирался, проверив ситуацию здесь, побывать на подземной парковке, на которой, по всей видимости, она и пропала.

– Какой информацией вы располагаете? – осторожно спросил детектив.

– Слышала, что она недавно разорвала помолвку со своим бойфрендом. Разве не подозрительно? Я так понимаю, что ее уже ищут?

Отложив новость насчет помолвки в банк памяти, Грейс сказал:

– Мы сейчас собираем информацию по этому делу. В течение дня отдел по связям с прессой донесет ее до вашего сведения. И, чтобы вы знали, все наши силы брошены сейчас на поиски мисс Сомервиль. Этим мы занимались и ночью.

– Спасибо, детектив-суперинтендент.

– У меня есть номер вашего мобильного, – вставил Гленн Брэнсон. – Если будут новости, обязательно позвоню.

Шивон поблагодарила его и, повернувшись, направилась к лагуне.

За внутренним кордоном детективов встретил Дэйв Грин, тоже облаченный в защитный костюм.

– Как дела? – спросил Грейс.

– Нашли сигаретный окурочок. Я отправлю его на анализ. Больше отправлять нечего.

Пройдя в палатку для переодевания, Грейс повернулся к Брэнсону:

– Смотрю, ты к ней равнодушен, а?

– Просто налаживаю отношения с прессой – ты же сам меня этому учил. – Инспектор хитровато ухмыльнулся.

– Налаживать отношения – это одно, а трахать – совсем другое, понял?

– Да, в слове «налаживать» больше гласных.

– Не надо. Я серьезно. Если честолюбив, держи прессу на расстоянии руки, а не члена.

Подтягивая защитный костюм, инспектор искоса взглянул на друга.

– Ты только что женился на самой чудесной женщине на свете. Никогда не думал, что у тебя пунктик насчет размера.

– Да пошел ты!

– И все-таки согласишься, Шивон – девушка соблазнительная.

– Как и то яблоко, про которое написано в Библии.

19

Пятница, 12 декабря

Доктор Эдвард Крисп был невысоким подтянутым мужчиной с лысиной на макушке и аккуратно подстриженными, седеющими на висках волосами. Модные современные очки, великоватые для его лица, придавали ему слегка недоуменное выражение, словно он смотрел на мир через увеличительные стекла.

В одежде доктор Крисп был разборчив и в этот день облачился в сшитый на заказ темно-серый костюм от известного брайтонского портного Грешама Блейка, бледно-голубую рубашку с розовым шелковым галстуком – и то и другое было приобретено на Джермин-стрит – и начищенные до блеска черные ботинки-«челси» от «Крокет-энд-Джонс», купленные в лондонском пассаже «Берлингтон аркейд». Под столом, на подушке в проволочной корзинке, спал его черно-белый пес Клякса, любимец большинства пациентов.

Хотя многие семейные доктора, следуя в русле современного тренда, трудились в группе, в медицинском центре, Эдвард Крисп предпочитал старую методику и работал в одиночку, в офисе, который занимал более двадцати пяти лет. Кабинет размещался в просторной комнате на первом этаже безобразного террасного дома, неподалеку от Черч-Роуд в Хоуве. Соседнюю комнату, поменьше, занимала его секретарша Дженни Эктон. Незамужняя пятидесятишестилетняя женщина преданно работала на него уже двадцать лет.

Как и костюм доктора, безупречно обставленная комната отражала его страсть к чистоте, аккуратности и порядку. Вставленные в одинаковые рамочки, на стене внушительным парадом висели дипломы, подтверждающие квалификацию Эдварда Криспа. Будучи врачом общей практики, он был специалистом в области иммунологии, что подтверждал диплом парижского Пастеровского института, и китайской медицины и акупунктуры, а также числился членом совета Королевского колледжа хирургов. Хирургом Эдвард Крисп стал еще до того, как пришел к выводу, что работа семейным доктором с эксклюзивной частной практикой устраивает его больше. Многочисленные частные пациенты Криспа были только рады такому решению, поскольку он пользовался огромной популярностью, и обширный список его клиентов был закрыт на много лет вперед, а новых он принимал только по соответствию особым критериям.

Одна такая пациентка, Фрейя Нортроп, сидела сейчас, заметно нервничая, на краю одного из двух дубовых, обитых кожей стульев перед аккуратным, с кожаным верхом, столом, пока доктор спокойно и любезно разговаривал по телефону с некоей Максин. Максин переживала из-за матери, которая, судя по тому, что уловила Фрейя, была смертельно больна и доживала последние недели.

Единственным ключом к личной жизни доктора была серебряная рамка на столе со студийной фотографией привлекательной брюнетки лет сорока с небольшим и двух красивых дочерей-тинейджеров по обе стороны от матери на небесно-голубом фоне. Все трое смеялись какой-то шутке, отпущенной, вероятно, профессиональным фотографом.

Пока доктор разговаривал и вроде бы обещал постараться устроить мать Максин в хоспис «Мартлетс», Фрейя Нортроп оглядывала комнату. Большинство врачебных кабинетов, видеть которые ей довелось, не представляли собой ничего особенного и выглядели довольно невзрачными. Но этот производил впечатление и больше походил на музей, чем на рабочее место. На стене слева висели фотографии и портреты великих пионеров медицины. В одном Фрейя узнала Александра Флеминга, первооткрывателя пенициллина, в другой – Марию Кюри, создательницу учения о радиоактивности; их короткие биографии были изложены в рамочках под портретами. Ряд дополняли копии анатомических рисунков Леонардо да Винчи.

У другой стены располагалась застекленная витрина с моделями человеческих черепов. Рядом с ними, гордо выпрямившись, словно председатель на собрании, стоял на постаменте человеческий скелет. Он частично заслонял вид из окна с поднятыми жалюзи, выходящего на парковку с тыльной стороны здания.

Продолжая успокаивать женщину, которую он называл Максин, доктор сделал пометку в лежавшем на столе блокноте, воспользовавшись для этого черной ручкой «Монтеграппа», и отстукал что-то на компьютере.

Сходство с музеем дополняли несколько бюстов на расставленных по комнате постаментах. Внимание Фрейн привлек один, изображавший мужчину со странным, эллиптической формы, лысым черепом и бородой, напоминающей пламя.

– Прежде всего – не навреди! – Тон доктора изменился.

Вздвогнув от неожиданности, Фрейя оглянулась и увидела, что доктор прикрыл ладонью трубку и смотрит на нее с почти детским лукавством.

– Не навреди? – растерянно повторила она.

– Гиппократ! Это на него вы смотрите. Как говорится, старый мудрый филин. Врачи по всему миру принимают клятву Гиппократа, обещая заниматься своим делом честно и все такое. Вообще-то принцип «Не навреди» сформулировал не Гиппократ, а живший в девятнадцатом веке хирург Томас Инман.

– А!..

– Я сейчас закончу. – Он показал на телефон. – У меня там одна очень расстроенная леди, и мне надо подождать, пока она поговорит со своей матерью. Да, Гиппократ!

Продолжая разговор по телефону, доктор изучал сидящую перед ним новую пациентку. Двадцать с небольшим. Одета консервативно. Красивое классическое лицо с глубокими карими глазами. Волосы разделены прямым пробором. Она напоминала ему актрису Джули Кристи, от которой он был без ума в юности. Напоминала она и кое-кого еще, воспоминание о ком отозвалось болью, а потому доктор задвинул его поглубже.

Завершив наконец разговор, Эдвард Крисп широко улыбнулся.

– Итак... Мы ведь не встречались раньше, верно? – Он посмотрел на экран компьютера, и ему пришлось приложить усилие, чтобы сосредоточиться. – Фрейя?

– Нет, я не обращалась к вам раньше, – сказала Фрейя Нортроп.

– Интересное имя, Нортроп. Хм-м-м. Нортроп Фрай. Читали его?

Она рассеянно покачала головой.

– Замечательный литературный критик! Написал несколько блестящих эссе о Томасе Элиоте. Весьма содействовал росту его популярности. И о Мильтоне тоже – о «Потерянном рае».

– А... – все так же безучастно отозвалась Фрейя.

– Его звали Герман.

– А...

Разговор получался довольно странным, и ее это немного обескуражило.

Ее лучшая подруга Луиза Брайс сказала, что Крисп – замечательный доктор и такой забавный. Но Фрейе он казался скорее чудным, чем забавным. И еще она чувствовала, что раздражает его своим невежеством.

– Т.С. Элиот, я о нем слышала.

– «Бесплодная земля»?

– Да, точно.

– Знаете эту поэму?

– Нет, не знаю.

Мысли вернули Эдварда Криспа к прошлому вечеру. К прогулке с Кляксой по Лагуне. Зимой собак там можно выгуливать без поводка. И иногда вечером, когда уже темно, доктор

отпускал Кляксу, свою белую дворнягу с черными пятнами по бокам, полученными лет десять назад, когда она была спасателем, справить нужду, где ей заблагорассудится, и не утруждал себя подборкой дерьма пластиковым пакетом или, как делают некоторые кретины-собачники, специальным совочком.

Жуткая картина с женским черепом и фрагментами туловища, торчащими из ямы на развороченной дорожке, стояла перед глазами, и он никак не мог стереть ее.

– «Бесплодная земля»?

Голос молодой пациентки вернул его на землю.

– «Я старею, старею, – процитировал он. – Надо брюки подвернуть поскорее».

Фрейя Нортроп нахмурилась.

– «Любовная песнь Дж. Альфреда Пруфрока», – сказал доктор и улыбнулся. – Но хватит. Извините, я сегодня немного не в форме. Увидел вчера кое-что ужасное и вот, расстроился. Я врач, я стараюсь помогать людям, а той бедняжке помочь уже не мог. Все, достаточно обо мне – давайте поговорим о вас. Почему вы здесь?

– Мне рекомендовала вас Луиза Брайс. Я лишь недавно приехала в Брайтон из Лондона.

– Ах да. Луиза, такая милая леди. Просто чудо. Ну конечно. Извините, я сегодня совершенно рассеянный. Но, разумеется, вам это слушать неинтересно. Так что привело вас сюда? – Он снова улыбнулся, и глаза его вдруг ожили и сверкнули. Держа перед собой элегантную черную ручку, доктор как будто смотрел на пациентку через нее.

– Ну, вообще-то у меня ничего не болит...

– Разумеется! Зачем идти к доктору, если что-то не так, верно? – Он заразительно улыбнулся.

Она улыбнулась в ответ и немного расслабилась.

– Действительно. Зачем?

– Вот и я о том! Мне приятно видеть пациентов, которые чувствуют себя хорошо! Кому нужны больные пациенты? Они отнимают много времени, и это плохо отражается на мне. – Доктор Крисп постучал себя пальцем по груди. – Всегда приходите, когда чувствуете себя хорошо, ну как?

Фрейя рассмеялась:

– Договорились.

– Отлично. Рад познакомиться, Фрейя! Всего хорошего. – Он сделал вид, что встает, чтобы попрощаться, потом снова сел и усмехнулся. – А теперь рассказывайте.

Наконец-то!

– Дело в том, что я познакомилась с парнем – поэтому и переехала сюда – и некоторое время не принимала таблеток, но теперь мне бы снова хотелось...

Пауза затянулась. Он смотрел на нее как будто уже с другим выражением, напряженным и холодным, и ей вдруг стало не по себе. Уж не задела ли она его как-то за живое?

Но потом доктор улыбнулся – широко, тепло, дружелюбно, – и улыбка осветила все его лицо.

– Таблетки? Это все?

– Да.

– Вы планируете заниматься сексом с этим... парнем?

– Вообще-то мы уже занимаемся сексом. Но...

Он вскинул руки.

– Осторожно! Слишком много информации! Хотите принимать таблетки – я ваш дилер! Никаких проблем. Вы молоды и очаровательны. Все что угодно, только обращайтесь ко мне. О'кей. Мне нужны кое-какие детали, а потом я вас осмотрю. Для начала расскажите мне что-нибудь из вашей медицинской карты.

Покопавшись в памяти, Фрейя вспомнила, что в тринадцать лет перенесла аппендэктомии, в шестнадцать, катаясь на сноуборде, сломала плечо, в восемнадцать у нее был хламидиоз, а недавно – тут она смутилась и покраснела – случилась молочница.

Он занес все в компьютер, причем, если только она не ошиблась, история ее венерических заболеваний доставила ему особенное удовольствие. А потом направил ее за ширму и попросил раздеваться.

Пока Фрейя Нортроп раздевалась, доктор Крисп перенес свои заметки на компьютер и посмотрел через комнату на зеленый экран. Покрутил ручку – шариковый кончик появился и спрятался.

Тело в Лагуне не давало ему покоя.

– Я готова, – сказала Фрейя.

Эдвард Крисп продолжал смотреть на кончик ручки.

– Фрейя Нортроп, – произнес он едва слышно. Ему нравилось это имя. Милая леди! Она определенно ему нравилась.

– Пока-пока! – сказал доктор чуть позже, когда пациентка ушла. Ему нравилось, когда от него уходили с улыбкой.

20

Пятница, 12 декабря

Судебный археолог Люси Сайбен, деловитая женщина слегка за сорок, с аккуратной прической и в современных квадратных очках, прибыла в сопровождении двух молодых помощников: случай довольно редкий – пусть учатся. В данный момент Люси стояла на коленях, пристально изучая останки. Лицо ее почти полностью скрывала марлевая маска, изящная фигурка затерялась в многочисленных складках мешковатого белого балахона, а ноги утопали в неуклюжих ботах. Часы показывали начало одиннадцатого. Скелет уже был полностью обнажен, и за процессом бдительно наблюдали судмедэксперт Надюшка Де Санча, представитель службы коронера Филип Ки и фотограф-криминалист Джеймс Гартрел – все в таком же защитном облачении.

Теперь скелет лежал в неглубокой, с неровными краями могиле, уставившись пустыми глазницами на яркие прожектора. Кое-где сохранились фрагменты ткани, а лежащие у ног заплесневелые темные туфли с высокими острыми каблуками подтверждали утверждение доктора, так кстати вышедшего прогуляться со своей собачонкой накануне вечером, что останки принадлежат женщине.

Первым делом Рой Грейс попросил Люси Сайбен определить возраст останков. Для этого прежде всего предстояло определить, как долго они пролежали здесь. Возможно ли, что тело захоронили относительно недавно, и тогда преступник и ближайшие родственники все еще могут быть живы, или же кости принадлежат кому-то, умершему так давно, что все, так или иначе имевшие отношение к нему, тоже покоятся в земле? Во втором случае следствие столкнулось бы с задачей куда более трудной.

И вот теперь Люси Сайбен недовольно качала головой:

– Почему рабочие, увидев кости, не остановились сразу же? Продолжая копать, они могли уничтожить какие-то ценные, значимые для нас улики.

– Так вы думаете, останки могут быть относительно недавними?

– Нет. Дорожку здесь проложили лет двадцать назад. Позволю себе предположить, что тот, кто убил эту женщину, знал о предстоящих работах и захоронил ее незадолго до их начала, полагая, что дорожка все скроет. Так что захоронение останков предшествует прокладке дорожки. Говорят, мафия прячет тела своих жертв под строящимися автострадами. Может быть, ее даже убил кто-то из тех, кто и прокладывал дорожку. Одно я знаю точно: это – место захоронения, но не убийства. Тело выкопали и перезахоронили.

– Почему вы так считаете?

Археолог указала на несколько едва различимых отметин на костях.

– Полагаю, это следы какого-то инструмента вроде лопаты. Ее закопали в другом месте, во временной могиле. Потом откопали, причем не очень аккуратно, – возможно, тот, кто делал это, нервничал или сильно спешил, – и в результате на костях остались в нескольких местах такие вот повреждения.

Грейс всегда с большим уважением относился к мнению этой женщины, неоднократно доказывавшей свой высокий профессионализм в прошлых делах.

– Что-нибудь еще в подтверждение такого вывода? – спросил он.

– Да. Хотя дорожку и проложили лет двадцать назад, жертва, как мне представляется, мертва около тридцати лет. Прежде всего, на это указывают туфли. Помнится, я подростком носила похожие. Но давайте забудем на время о туфлях и сосредоточимся на останках. – Люси указала на маленький фрагмент кости, держащийся на тонкой полоске иссохшей кожи. – Видите эту U-образную кость? Она удерживает на месте язык и нередко служит показателем причины смерти, поскольку гиоид часто ломается при удушении. В данном случае она цела.

Несколько индикаторов указывают на то, что женщине на момент смерти было около двадцати. Мы видим незначительную стертость зубов, но при этом зубы мудрости уже присутствуют. Таз показывает ушковидную поверхность крестца в фазе один и лонное сращение в той же фазе.

Грейс старался успевать за объяснениями.

– Видите эту седалищную вырезку? Запирательное отверстие треугольной формы? Лобковую кость и широкий подлобковый угол?

Он кивнул, хотя понял далеко не все.

Она указала на череп, лежавший на боку.

– Надбровные дуги выдаются незначительно. Лобная кость более отвесная. Сосцевидный отросток небольшой. Затылочный гребень закруглен. Перед нами определенно женщина. Здесь довольно много воды внизу. Если бы ее положили за десять лет до прокладки дорожки, вода вытолкала бы ее наверх, к самой поверхности, и рабочие заметили бы ее раньше.

– Я уже поручил выяснить, кто занимался прокладкой дорожки, и, может быть, найти кого-то из тех, кто здесь работал тогда. Есть ли что-то, что могло бы помочь опознать ее? – спросил Гленн Брэнсон.

Люси Сайбен показала на подбородок:

– Провести дентальную идентификацию могли бы помочь вот этот зуб мудрости и несколько пломб. Но только если она местная. Получение образца ДНК возможно. – Она взглянула на Надюшку Де Санча. – Дополнительную информацию может дать вскрытие.

Палатка содрогнулась от сильного порыва ветра. Судмедэксперт повернулась сначала к Рою Грейсу, потом к Филипу Ки:

– Что ж, думаю, это было бы лучше всего. Давайте, если это возможно, переправим останки в морг.

– Мне придется уехать, – сказал Грейс. – Здесь останется инспектор Брэнсон.

Вернувшись в палатку криминалистов, суперинтендент снял защитное снаряжение и поспешил к машине. Но прежде чем уехать, он сделал в блокноте несколько пометок. Опознание по стоматологическим картам возможно, но с большим но. В стране работают тысячи стоматологов, а вот национальной базы данных, как в случае с отпечатками пальцев и ДНК, не существует. Для дентальной идентификации нужно иметь некоторое представление о личности жертвы и знать, кто был ее стоматологом. Если же она приезжая, иностранка, то шансов нет никаких.

Не сулила хороших перспектив и идентификация по ДНК. Рассчитывать на то, что двадцать лет назад у нее взяли образец ДНК – даже если арестовывали за что-то, – не приходилось. А если она умерла тридцать лет назад, то этот вариант отпадал полностью. Пожалуй, сосредоточиться стоит на работе более тщательной и трудоемкой: отработать списки женщин, пропавших в определенном Люси Сайбен временном промежутке. В таком случае им нужно проверить всех женщин в возрасте от пятнадцати до тридцати лет, пропавших от пятнадцати до тридцати пяти лет назад.

В текущем списке числящихся пропавшими более тридцати дней значилось несколько тысяч человек. Следователей ждала огромная работа, и начать ее стоило с местных жителей.

Если, конечно, жертва была местной.

Рой Грейс включил двигатель и, развернувшись, направился в сторону Кемптауна и здания с подземной парковкой, где исчезла Логан Сомервиль.

21

Пятница, 12 декабря

– Сколько еще? Сколько еще ты будешь держать меня здесь? Сколько, черт бы тебя побрал? Освободи меня! – прокричала Логан в тронутую зеленью темноту. – Мне нужен сахар! Мне нужна вода! Пожалуйста, отпусти меня!

Среди всего этого ужаса она совершенно забыла о пораненном пальце и вспомнила только теперь. Точнее, он сам напомнил о себе пульсирующей болью. Стальные шнуры, переброшенные через живот, бедра и лодыжки, впивались в плоть. Правую ногу свело, но она не могла даже пошевелить ею, а попытка поднять голову закончилась тем, что что-то впилося в шею и едва не задушило ее.

Во рту пересохло, губы слиплись, но тело покрылось липким потом. Логан знала эти сигналы – уровень сахара опасно понижается, и, значит, очень скоро из-за гипогликемии она потеряет сознание.

Кто же здесь кричал? Есть ли здесь кто-то еще, кроме нее?

Злость ненадолго вытеснила засевшее глубоко тошнотворное чувство страха. Давно ли она здесь? И где это *здесь*? Неужели это все устроил Джейми? Что еще он с ней сделает? Будет держать, пока она в конце концов не согласится выйти за него замуж? Ничего не скажешь, прекрасное начало совместной жизни.

«Да, она разорвала помолвку, поэтому я усыпил ее, запер в подвале, морил голодом, не давал сладкого и не пускал в туалет, пока она не согласится выйти за меня замуж».

Две недели до Рождества. Две такие важные недели для нее лично. Она только-только начала вносить вклад в прибыль клиники и стала понемножку прибавлять к своим сбережениям, чтобы купить небольшую квартирку после того, как они с Джейми расстанутся.

На счету был каждый день. Логан не знала, даже не имела представления, сколько времени находится здесь. Сегодня – если сегодня пятница – у ее матери день рождения, и она, прежде чем отправиться к родителям на уик-энд, планировала позвонить им.

В сравнении с прошлым бойфрендом, бывшим, можно сказать, серийным изменщиком, Джейми поначалу воспринимался как глоток свежего воздуха. Добрый и мягкий, он прекрасно готовил, и ей нравился его юмор.

Только потом, узнав Джейми лучше, она стала понимать, насколько он ограничен. В первые месяцы знакомства они все делали вместе. Вместе выпивали, вместе ели, вместе гуляли, вместе ходили в кино и по вечерам смотрели телевизор. Но постепенно до нее стало доходить, что на самом-то деле собственных интересов у него немного: посмотреть спорт по телевизору да сходить иногда на стадион, поболеть за местную футбольную команду. Джейми напоминал ей хамелеона: встроившись в ее жизнь, он принял все, что нравилось ей.

Год назад, когда Логан начала готовиться к Брайтонскому марафону, Джейми какое-то время тренировался вместе с ней, бегал. Она любила ездить на велосипеде, и он, чтобы сопровождать ее, тоже купил себе дорогую машину. В те первые дни Логан была только за – что ни говори, приятно, когда тебя так поддерживают, да и не все ее друзья отличались тягой к спорту. Но потом ей стало недоставать одиночества. Серьезная размолвка случилась три месяца назад, когда она вступила в читательскую группу, и Джейми, хотя читал редко, незамедлительно последовал за ней. Впрочем, после первого же собрания, на котором он оскорбил всех присутствующих, назвав их зазнайками и снобами, читательскую группу Джейми покинул.

Когда Логан сообщила, что приняла решение и не хочет выходить за него замуж и что им стоит разойтись и идти дальше каждому своим путем, Джейми принял это близко к сердцу и даже расплакался. Но она никогда бы не подумала и не поверила, что он сделает с ней такое: похитит и будет удерживать как пленницу.

Если это он.

Должен быть он, кто же еще?

Джейми не был ни жестоким, ни злым. И то, что он сделал, представлялось бессмысленным. Не пропустила ли она какую-то глубинную черту в его характере? Неужели он и впрямь намерен держать ее здесь, пока она не согласится выйти за него?

Движущийся свет. Слабое зеленоватое мерцание. Оно приближалось.

– Джейми? Джейми, пожалуйста, давай поговорим.

Уже знакомый скользкий звук над головой.

Луч света ударил прямо в глаза, на мгновение ее ослепив. Потом сдвинулся в сторону.

Кто-то стоял прямо над ней. Кто-то, чье лицо скрывала маска.

Логан почувствовала, как что-то прижалось к ее губам. Что-то сладкое. Она ощутила вкус меда и проглотила. Потом во рту у нее оказались две капсулы. К губам поднесли пластиковый стакан с водой.

И снова скользкий звук. Приглушенные удаляющиеся шаги.

Шаги стихли, а ей в голову вдруг пришла страшная мысль, и следом проскользнул и разлился внутри страх.

Не ошиблась ли она в своих рассуждениях? Что, если это не Джейми? Как во все это вписывается человек на парковке? Работают ли они вместе?

Что, если это какой-то незнакомец? Кто-то совершенно посторонний?

22

Пятница, 12 декабря

Сидя за столом в своем скромном кабинете на Харлей-стрит, доктор Джейкоб Ван Дам походил на старого мудрого филина. Сходству с птицей способствовали маленькие круглые очки в роговой оправе. Невысокого росточка, с печеночными пятнами на лысине и тыльной стороне ладоней, психиатр был одет в серый, в мелкую полоску костюм, сидевший на нем немного мешковато, как будто за годы, что прошли со времени пошива, его владелец несколько усох, и воротник, подвязанный клубным галстуком, свободно висел на морщинистых складках напоминающей индюшачью шею.

Практикуя многие годы судебную психиатрию и имея дело с широким кругом всевозможных, в том числе и склонных к насилию преступников, он не раз подвергался нападению и в последнее время предпочитал, ради собственной безопасности, оставаться за столом, служившим теперь не в последнюю очередь и барьером между ним и клиентом.

Доктору было семьдесят семь лет, и он давно мог бы уйти в отставку, но слишком любил свою работу, чтобы даже думать об этом. Да и чем, черт возьми, он стал бы заниматься в отставке? Никакими хобби доктор не обзавелся – работа всегда была его жизнью. Человеческая натура служила источником бесконечного интереса, и проявления ее он наблюдал ежедневно у своих пациентов.

На стеллажах вдоль стен стояли книги по медицине, и на корешках нескольких значилось его имя. В одном из опубликованных им трудов объяснялись причины широкой популярности принцессы Дианы, другой содержал детальный анализ Йоркширского Потрошителя, Питера Сатклиффа, обвиненного в убийстве тринадцати женщин. Из представленных здесь книг доктор особенно гордился трехтомником, написанным на основе наблюдений за обитателями психиатрического учреждения строгого режима Бродмур, где он работал несколько лет, – единственным критерием для помещения в эту больницу являлся диагноз: неизменяемый в отношении совершенного преступления.

Джейкоба Ван Дама всегда, еще с ранних студенческих дней, интересовала не только природа зла, но и представление о нем в общественном сознании. Рождаются ли люди носителями зла или поворачиваются к злу под влиянием неких событий? И, разумеется, прежде, чем отвечать на такие вопросы, нужно дать определение самому понятию *зла*.

Исследованию этой темы доктор посвятил три тома, но так и не пришел к какому-либо заключению.

За сорок три года в психиатрии Джейкоб Ван Дам не нашел однозначных ответов на поставленные вопросы и все еще продолжал поиски. Вот почему каждое рабочее утро он приходил в кабинет и до вечера принимал пациентов благодаря отчасти пониманию своей любимой жены Рейчел.

Он делал записи относительно только что ушедшего пациента, актера, почти такого же возраста, который никак не мог примириться с тем фактом, что женщины больше не вешаются ему на шею, когда секретарша звонком оповестила его о приходе следующего пациента, доктора Харрисона Хантера.

Доктор торопливо прочитал письмо с направлением от семейного терапевта Хантера, практикующего в Брайтоне доктора Эдварда Криспа. Письмо было короткое и сдержанное, да и о самом докторе Криспе Джейкоб Ван Дам слышал впервые. Согласно направлению, Харрисон Хантер страдал тревожными состояниями, нередко сопровождавшимися приступами паники и, как полагал доктор Крисп, бредовым расстройством.

Вам Дам нажал кнопку и попросил секретаршупустить пациента.

По причинам, сформулировать которые доктор вряд ли бы смог, пациент сразу же, едва переступив порог, заинтриговал его и вызвал интерес, но вместе с тем как будто принес холодок, пробравший старого психиатра до костей.

Поднявшись из-за стола, Ван Дам поздоровался с гостем за руку и предложил один из двух старых с кожаным сиденьем стульев, стоявших перед его столом. Секунду-другую оба молчали, пережидая вой раздавшейся за окном сирены, а когда он стих, в наступившей тишине еще мгновение слышалось только шипение газового пламени в камине.

Харрисон Хантер явно чувствовал себя не в своей тарелке. За пятьдесят, решил, наблюдая за ним, доктор, приятен на вид, одет консервативно – недорогой деловой костюм, неброская рубашка с неумело завязанным галстуком, тонированные очки и копна растрепанных волос – в стиле небезызвестного Бориса Джонсона. Волосы по цвету отличались от бровей, и Ван Дам предположил, что это, возможно, парик.

Пациент сдвинул руки на колени, почесал обе щеки, потрогал мочки ушей, похлопал себя по бедрам и, наконец, пожал плечами.

– Итак, чем, по-вашему, я могу помочь вам, доктор Хантер – можно называть вас Харрисоном? – первым прервал молчание психиатр. С таких слов Ван Дам начинал первую встречу с каждым пришедшим на консультацию новым пациентом. Коротко заглянув в записи, он положил локти на стол, составил ладони домиком и подался вперед.

– Да, можно Харрисоном.

– Хорошо. Вы доктор медицины?

– Я анестезиолог, но довольно-таки необычный. – Хантер улыбнулся. Голос у него был сухой, слегка пронзительный, с отчетливой невротической ноткой.

Они снова помолчали, пережидая вторую, а потом и третью сирену. Когда все стихло, первым опять-таки заговорил психиатр:

– Можете рассказать, почему считаете себя необычным анестезиологом?

– Мне нравится убивать людей.

Ван Дам посмотрел на пациента пристально, но сохранив бесстрастное лицо. Анестезиологам бывает свойственна раздражительность и резкость; они ценят себя не ниже чем хирургов, но при этом зарабатывают значительно меньше. Как-то один из них заявил ему, что в операционной именно анестезиолог решает вопрос жизни и смерти, а о хирургах уничижительно отозвался как о мясниках, сантехниках и швеях. За свою карьеру Ван Дам слышал много всякого, и зачастую пациенты говорили вещи, рассчитанные именно на то, чтобы шокировать его. Никак не отреагировав на признание Хантера, он наблюдал за ним, изучая выражение лица и язык тела, а потом посмотрел в глаза. Глаза были, что называется, мертвые и не выдали ровным счетом ничего. Доктор продолжал молчать. Молчание всегда было одной из сильнейших его тактик, когда пациента требовалось разговорить. Прием сработал.

– Видите ли, я работаю в клинической больнице, – сказал Харрисон, – и мои допустимые потери – восемь-девять пациентов в год из-за неблагоприятной реакции на наркоз, от синдрома, например, злокачественной гипертермии. Вы ведь хорошо понимаете опасности анестезии?

– Да, понимаю, – сказал Ван Дам, продолжая пристально смотреть на доктора Хантера. Анестезиолог наконец отвел на секунду глаза.

– Время от времени я убиваю лишнего, а иногда и двух – просто так, для забавы.

– Для забавы?

– Да.

– И как вы себя при этом чувствуете?

– Я бываю счастлив. Я испытываю удовлетворение. А еще это весело.

– Не могли бы вы пояснить, что именно забавляет вас, когда вы кого-то убиваете.

Харрисон Хантер сжал кулаки и потряс ими в воздухе.

– Власть, доктор Ван Дам! Власть над ними. Это невероятное ощущение. Нет власти большей, чем та, что дает возможность распоряжаться жизнью другого человека, ведь так?

– Ваши пациенты вряд ли согласились бы с вашим пониманием забавного.

– Люди получают по заслугам, разве нет? Карма?

– Некоторые из ваших пациентов заслуживают смерти?

– Вот об этом мне и нужно поговорить с вами, и поэтому я здесь. Вы религиозный человек, доктор Ван Дам, или же дарвинист?

Несколько секунд психиатр молча смотрел на него. За окном пронеслась еще одна машина какой-то экстренной службы. Куда она спешит? На место преступления? К одной из жертв этого странного человека? Он поднял ручку и, держа ее указательным пальцем одной руки и большим другой, сосредоточился на черном корпусе и серебряном колпачке.

– На консультацию пришли вы, Харрисон, а не я, и обсуждаем мы здесь не мои взгляды. Я вас слушаю. И прежде, чем мы пойдем дальше, должен напомнить, что я связан требованиями Генерального медицинского совета. Я не обязан, согласно изменениям в законе, соблюдать конфиденциальность в отношении пациента, если считаю, что он представляет угрозу для общества. Более того, я обязан доложить о таком пациенте. Так что, исходя из сказанного вами здесь, я обязан сообщить о вас полиции.

– Но прежде, доктор Ван Дам, вам нужно выйти из этого кабинета живым, не так ли?

Ван Дам улыбнулся. Он изо всех сил старался не выказать дискомфорт, но в этом человеке действительно было что-то пугающее, жуткое и в то же время завораживающее. Он как будто источал тревожащую, беспокойную тьму. В прошлом, работая в Бродмуре, доктор встречал там людей, внушающих такую же тревогу. Но он уже не помнил, когда в последний раз ощущал присутствие столь беспощадного зла. Доктор Крисп писал, что у его пациента бредовое состояние. Не об этом ли шла речь?

– Так, Харрисон, – ответил он, принужденно рассмеявшись. – Да, конечно.

– Вы не пойдете в полицию, доктор Ван Дам. Во-первых, потому, что вам не хочется терять такого пациента, как я. А во-вторых, есть у меня чувство, что, хотя закон и изменился, вы с этими изменениями не согласны. Человек вы старой закалки, и для вас, в соответствии с вашими старомодными представлениями, конфиденциальность между врачом и пациентом – их священное право. Я читал вашу публикацию в «Ланцете» лет десять назад. Вы там представили весьма убедительный аргумент в пользу сохранения этого права.

– Я писал о том, что для врача важно не юридическое, а моральное обязательство. Но давайте все же поговорим о вас. Зачем вы здесь? Чего ждете от меня? Чем, по-вашему, я могу помочь вам?

Пациент посмотрел на него с каким-то странным выражением, и психиатру даже показалось, что он смотрит в самую его душу.

– Мне нужно как-то совладать с чувством вины.

В голове психиатра промчалось сразу несколько мыслей. Каждый год от аллергической реакции на анестетики умирают люди – незначительный процент от всех тех, кто ложится на операцию. И трагический факт состоит в том, что каждый анестезиолог на протяжении карьеры теряет таким образом нескольких человек. Может быть, признаваясь в преднамеренном убийстве, Харрисон Хантер пытается справиться с чувством вины? Может быть, он фантазер?

Или, как и сказал сам, настоящий убийца?

Психиатр решил подыграть.

– Не могу сказать, что верю вашему утверждению, будто вы целенаправленно убиваете людей. Готовясь стать врачом, вы, несомненно, брали на себя обязательство подчиняться базовому положению медицинской этики «Не навреди». Так скажите, что на самом деле привело вас ко мне?

– Я только что вам сказал. – Харрисон Хантер помолчал секунду-другую. – В Брайтоне есть местная газета, называется «Аргус». Посмотрите ее интернет-версию. Потом, позже. Вы увидите заметку об обнаружении вчера человеческих останков в небольшом парке в приморской части города, называющейся Хоувской лагуной.

– Почему вы хотите, чтобы я прочитал эту заметку?

– Потому что я знаю, кто и почему убил ту женщину.

Несколько секунд Ван Дам молча смотрел на него, отмечая путаный язык тела.

– Вы сообщили об этом полиции?

– Нет, не сообщил.

– Почему?

– Потому, доктор, что мы с вами нуждаемся друг в друге.

– Неужели? Можете объяснить?

– Во вчерашнем номере «Аргуса» была еще одна заметка. Я не захватил газету с собой, но вы найдете номер там же. У вас есть племянница Логан Сомервиль?

Ван Дам напрягся.

– И что?

– Вы ведь любите ее?

– Я не обсуждаю с пациентами мою личную жизнь. При чем здесь моя племянница?

– Вы еще не слышали?

– Не слышал о чем?

– О Логан. Она пропала вчера вечером.

Доктор побледнел:

– Пропала?

– Ее ищут по всему Брайтону. Вашу племянницу. Логан Сомервиль. Так что я очень вам нужен.

– Почему?

– Потому что я единственный, кто еще может спасти ей жизнь.

23

Пятница, 12 декабря

Рой Грейс остановился возле Чешам-Гейт, пристроившись позади белого фургона экспертно-криминалистической службы, патрульной полицейской машины и двух полицейских машин без опознавательных знаков. Неподалеку серебристый фургон розыскного отдела перебирался через бордюр, чтобы не блокировать узкую улицу. Чуть в стороне собралась горстка любопытных, и какой-то паренек фотографировал происходящее на телефон.

По пути сюда из Лагуны в голову пришла одна мысль относительно речи, короткой, но очень эмоциональной, которую ему предстояло произнести в понедельник, на похоронах Беллы. Теперь Грейс записал ее и лишь потом выбрался из машины под холодный порывистый ветер.

На входе в подземный гараж трепетала оградительная лента. Перед открытыми воротами стояла с планшетом в руке женщина-постовой. Увидев Грейса, она кивком указала на фургон. Суперинтендент перекинулся парой шуток с двумя сотрудниками поисковой бригады, опытным сержантом Лорной Деннисон-Уилкинс и недавно пополнившим ее команду новичком, Скоттом, которые устроили себе перерыв на кофе.

Второй раз за утро облачаясь в защитный балахон, Грейс поинтересовался у Лорны, что происходит и где эксперт-криминалист Джон Морган.

– Жильцы недовольны, сэр. Не могут выехать. А еще есть такие, кто не может въехать. Если хотите, можете поговорить с ними. Джон Морган сегодня не в самом хорошем настроении, так что дипломат из него никакой.

Со своей работой Морган справлялся хорошо, но тактичностью никогда не отличался. Охрана места преступления крайне важна для недопущения его контаминации, но нередко доставляет неудобства гражданам, и тогда, как в данном случае, нужен человек, который сумел бы деликатно объяснить необходимость принимаемых мер. Большинство людей понимают и помогают, но нередко находятся и такие, кто ненавидит полицию, или думают только о себе, или просто упираются и стоят на своем.

Грейс расписался в журнале регистрации и, неловко ступая в неуклюжем синем балахоне и защитных ботах, сошел по съезду в гараж. В боксах было полно машин, в том числе и накрытых чехлами. В воздухе висел резкий сухой запах машинного масла, краски и пыли. Несколько полицейских ползли плечом к плечу на четвереньках внутри оцепленной зоны. Чуть дальше другой сотрудник проверял электропроводку.

Из-за угла появился Джон Морган.

– Доброе утро, – угрюмо, но вежливо буркнул он.

– Что у тебя, Джон?

Криминалист покачал головой:

– Из такого, что может быть интересно, отпечаток обуви на пролитом машинном масле. – Он провел суперинтендента к пустой стоянке с небольшим черным масляным пятном на земле. – Судя по размеру, оставил мужчина. Есть еще несколько отпечатков послабее – ведут к дальнему концу парковки, и больше ничего. – Морган показал на камеру видеонаблюдения. – Если бы она работала, у нас было бы куда больше того, что есть.

В сопровождении Моргана Грейс обошел весь гараж, взяв на заметку пожарные выходы, лифт и главную лестницу рядом с ним. Проникнуть сюда незамеченным, если только исключить камеры, не составляло труда. Потом смотритель отвел его в квартиру, которую снимала пара и где Грейс прошлым вечером разговаривал с Джейми Боллом. Морган сказал, что лэптоп Логан Сомервиль и ее мобильный телефон уже отправили в отдел высоких технологий для

срочного изучения. Особое внимание уделяют последним звонкам, почтовым отправлениям и сайтам социальных сетей – возможно, удастся найти какие-то ключи к ее исчезновению.

В час дня Джейми Болл должен был появиться с Грейсом в местных новостях, а пока специалисты просматривали записи с полицейских камер наблюдения по всему городу – искали Логан Сомервиль или подходящий под описание универсал.

Хорошая новость заключалась в том, что большинство значившихся пропавшими объявились в последние дни и, каждый по-своему, объяснили причины отсутствия.

Появится ли и Логан Сомервиль в ближайшее время со своей ладно склеенной историей? У него было плохое предчувствие в отношении именно этой молодой женщины. Крик, который слышал ее бойфренд. Автомобиль, вылетевший из гаража примерно в то же время. Несмотря на наличие у Джейми Болла алиби, что, казалось бы, освобождало его от подозрения, Рой Грейс не мог избавиться от неясных сомнений. Впрочем, на данной стадии стопроцентного алиби не было ни у кого. Что же касается бойфренда, то после телеэфира его допросят в полицейском управлении и тогда ситуация прояснится. Какими будут его слезы, настоящими или крокодиловыми?

Грейс посмотрел на фотографию пары в велосипедных костюмах, потом на другую, ту, где они лежали на пляже. Молодая, симпатичная, счастливая пара, похожая на тысячи других, абсолютно беззаботная. Вот только, цинично подумал детектив, в мире не так-то много людей, которые могут искренне сказать, что им совершенно не о чем беспокоиться. Проблемы, которые так или иначе приходится решать, есть у всех.

Зазвонил телефон. Он посмотрел на дисплей и ответил:

– Рой Грейс.

Звонил Гленн Брэнсон. Пробивавшийся через помехи голос звучал взволнованно.

– Эй, босс, ты там не сильно завяз? На полчаса вырваться можешь? Мы в морге. Тебе надо кое-что увидеть.

Грейс посмотрел время – без пяти двенадцать. В полдень ему надлежало быть на совещании с помощником главного констебля Кэссианом Пью – доложить о ходе расследования по делу Логан Сомервиль. К совещанию требуется подготовиться, проверить, все ли сделано по протоколу, не пропущена ли какая-то процедурная деталь, чтобы Пью не к чему было придраться. А еще он хотел посмотреть, как пройдет интервью с женихом Логан. Впрочем, посмотреть, если он опоздает, можно и в записи.

– Ты сейчас там?

– В пяти минутах езды.

– Буду, как только закончу здесь.

24

Пятница, 12 декабря

Джейкоб Ван Дам и его пациент смотрели друг на друга через разделявшую их, как казалось психиатру, пропасть тьмы.

– Я могу проверить вашу историю о моей племяннице?

– Пожалуйста. При условии, что я смогу видеть, что вы делаете.

Психиатр повернул экран компьютера так, чтобы его видел и Харрисон Хантер.

– «Аргус», вы сказали?

Хантер кивнул.

Ван Дам открыл Гугл и впечатал в строку поиска *Аргус онлайн*.

Секундой позже на экране открылась домашняя страница «Аргуса», и доктор увидел заголовок.

ПРОПАВШАЯ ЖЕНЩИНА – ПОХИЩЕНИЕ?

Мужчины молча прочитали заметку.

Логан Сомервиль – 24 года, Чешам-Гейт, Кемптаун – пропала после того, как уехала из клиники «Хиропрактик лайф» на Портленд-Роуд, в Хоуве, где работает, вчера в 5:15 пополудни. Ее жених, Джейми Болл, 28 лет, менеджер по маркетингу, сообщил в полицию, что она позвонила ему вчера в 5:43 из-за незнакомого мужчины на подземной парковке многоквартирного дома, где они живут. После этого от нее ничего больше не было. Ее машину обнаружили позднее на парковке.

Представитель полиции сказал, что исчезновение Логан Сомервиль квалифицируется как возможное похищение, и расследование в рамках операции «Воз сена» ведет детектив-суперинтендент Рой Грейс из отдела тяжких преступлений Суррея и Суссекса. Телевизионное интервью с ее женихом намечено на 13 часов сегодня, после чего пройдет брифинг, на котором будет представлена дополнительная информация.

Полиция обращается ко всем, кто, возможно, видел что-то подозрительное или автомобиль-универсал темного цвета, предположительно старой модели «вольво», проезжавший примерно в то же время на высокой скорости. За рулем мог быть мужчина средних лет, чисто выбритый, в очках.

Отвернувшись от экрана и заметно дрожа, психиатр посмотрел на пациента:

– Вы знаете, где она?

– Я не сказал, что знаю, где она. Сказал, что я, возможно, единственный, кто еще может спасти ей жизнь.

– Что вам нужно? – твердо спросил Ван Дам. – Деньги? Сколько?

– Вопрос не в деньгах.

– Тогда в чем?

Харрисон Хантер внезапно поднялся:

– Мне нужно идти.

– Подождите! Вы не можете вот так взять и уйти. Ради бога, скажите мне, где она, что с ней случилось. С кем она? Ей ничего не сделали?

Но пациент был уже у двери. Открыв ее, он повернулся:

– Не обращайтесь в полицию. Если обратитесь, никогда больше ее не увидите. Я могу помочь, и вы должны довериться мне.

– Как именно вы мне поможете, доктор Хантер?

– Для этого вы поможете мне.

Дверь за ним закрылась.

– Подождите! – Ван Дам поспешил к двери, но, когда открыл ее, Харрисон Хантер прошел мимо секретарши и выходил через дальнюю дверь. Психиатр устремился за ним, но с лестницы уже донеслись удаляющиеся шаги. – Пожалуйста, подождите! – крикнул доктор.

Внизу хлопнула дверь.

Тяжело отдуваясь, Ван Дам вернулся в кабинет и первым делом посмотрел номер телефона в сопроводительном письме. Набрал номер, он услышал гудки, а затем бодрый, записанный голос произнес:

– Здравствуйте, вы позвонили в приемную доктора Криспа. Пожалуйста, оставьте ваш номер, и я перезвоню вам, как только смогу. Пока-пока!

25

Пятница, 12 декабря

В глубокой задумчивости Рой Грейс ехал по круговой Льюис-Роуд. Время близилось к четверти двенадцатого, и с момента исчезновения Логан Сомервиль прошло около восемнадцати часов. Если она не скрылась по собственной воле, а была похищена, как он предполагал, то шансы найти ее живой таяли с каждым часом. Грейс знал это по собственному печальному опыту. Интересно только, зачем он вдруг так срочно понадобился Гленну Брэнсону.

Грейс свернул налево, проехал мимо кованых ворот между двумя кирпичными колоннами с дощечкой, которая, золотыми буквами по черному фону, сообщала: «ГОРОДСКОЙ МОРГ». В силу специфики работы он часто сталкивался со смертью, и если места преступлений и захоронений нередко подбрасывали важнейшие для следствия улики, то морг – вместе с лабораториями ДНК и патологии – стал во многих отношениях кристаллизатором расследований самых тяжких преступлений.

Вообще-то Грейс предпочитал не задумываться о собственной смерти, но это место само по себе наводило на мысли о бренности бытия. Немного найдется людей, кроме разве что самоубийц, которые по доброй воле пожелали бы закончить жизненный путь здесь. Да кому захочется провести ночь в холодильнике, а не в своей кровати. За годы службы ему не раз доводилось беседовать с людьми, оставшимися в живых после попытки самоубийства, и многие из них говорили ему, да и коллегам, что благодарны судьбе, отвернувшей в последние секунды смерть и сохранившей им жизнь.

Он вспомнил недавний разговор с сержантом полиции, женщиной, бывшей постоянным членом команды полицейского вертолета. Помимо прочего, в их обязанности входил еженедельный маршрут с пролетом над подножием мыса Бичи-Хед. Это красивое место, меловая скала в нескольких милях к востоку от Брайтона, имело и свою темную сторону. Высокая – 531 фут, – отвесная, нависающая над каменистым берегом Пролива, скала приобрела печальную известность из-за того, что ее облюбовали самоубийцы. Список жертв пополнялся едва ли не каждую неделю, благодаря чему Бичи-Хед соперничал с калифорнийским мостом Золотые Ворота и японским лесом Аокигахара за сомнительное право называться самым популярным местом самоубийц. Здесь даже устроен постоянно действующий пост, и дежурящие на нем капелланы всячески стараются отговорить отчаявшихся от рокового шага.

Сержант рассказала, что у многих жертв под ногтями обнаруживают мел – признак того, что в последний момент, уже на пути к смерти, несчастные пытаются спастись.

Для Роя Грейса ни одна внезапная смерть, будь то несчастный случай, суицид или убийство, не проходила бесследно. Для подавляющего большинства людей смерть есть нечто такое, что случается с кем-то еще, с другими – неудачливыми, невезучими. Немногие намерены стать жертвами, и это учреждение неизменно ассоциировалось с печалью и унынием.

У них с Сэнди детей не было. Если бы он умер в то время, она прекрасно обошлась бы без него. Сэнди была сильной женщиной. Клио, если с ним что-то случится, тоже справится: у нее обеспеченные родители, да и деньги по его страховке достанутся ей и Ною – он об этом позаботился. Но все же рождение сына направило его мысли о смерти в другое русло. Клио всегда будет прекрасной матерью, но, как женщина молодая и красивая, она почти наверняка снова выйдет замуж, и тогда кто-то другой станет отцом Ноя.

Чужак.

Может быть, и странно, но, сделавшись отцом, он и жизнь стал ценить намного больше, чем раньше. Он хотел быть рядом с сыном. Хотел быть хорошим отцом, таким, каким был для него его отец, Джек Грейс. Хотел подготовить сына для взрослой жизни, для вступления в мир, большой и прекрасный, но постоянно попадающий в тень зла.

Хотя с моргом у Грейса было связано много хороших воспоминаний – именно там он познакомился с Клио, – но все равно это место действовало на него угнетающе, как и на большинство приходящих сюда людей, включая и полицейских. Открыто заведение было круглосуточно и работало без выходных, всегда готовое принять как свежих покойников, так и, как в случае с найденными в Лагуне останками неопознанной женщины, умерших давно.

Рой Грейс всегда чувствовал, что сдержанность экстерьера здания, которое напоминало пригородное бунгало, странным образом контрастирует с теми задачами, которые решаются внутри его. Вытянутое в длину, одноэтажное строение, облицованное серой штукатуркой с каменной крошкой, пряталось за соседними домами; в его крытом боковом подъезде вполне могла поместиться «скорая помощь» или фургон. С другой стороны имелось большое матовое окно и маленькая, по-домашнему выглядящая дверь.

Грейс проехал мимо припаркованных у тыльной каменной стены автомобилей и завернул на гостевую стоянку. Пройдя к передней двери, он нажал кнопку звонка. Встречать суперинтендента вышел Даррен Уоллес, исполнявший в отсутствие Клио обязанности главного специалиста по анатомической патологии. Молодой, немногим за двадцать, с торчащими во все стороны темными волосами, в синем халате и брюках, зеленом фартуке и белых бахилах. Бодро поздоровавшись с Грейсом, он провел его в раздевалку.

Переодеваясь, Рой наморщил нос – запах здесь представлял собой смесь моющего средства «Джейз», дезинфектанта «Трайджин» и разлагающихся человеческих тел. И даже уйдя из морга, ты уносишь этот запах с собой, и он еще долго не покидал тебя. Как и ощущение зябкости от постоянно царящей здесь прохлады. Закончив, суперинтендент прошел в прозекторскую, где и запахи, и холод ощущались еще сильнее.

Открытый арочный проход делил помещение на две рабочие зоны с выложенными белой кафельной плиткой стенами и ярким верхним светом. У одной из стен находился высокий длинный холодильник с пронумерованными дверцами, за каждой из которых помещался бокс на четыре вертикально расположенных места. На дверцах боксов имелись металлические рамки, в которые вставлялись заполненные от руки таблички. Все здесь подчинялось одним требованиям: четкости и функциональности. Был ли ты при жизни миллионером или бездомным, здесь это не имело значения. Каждый получал свое место за стальной дверцей, где и пребывал до тех пор, пока коронер не принимал решения выдать покойника. Грейс поежился и постарался отогнать непрошенные мысли. Какая тебе разница, если ты умер? Ты освободил свое тело, и теперь оно лишь пустая скорлупа, шелуха.

Разве не так?

По крайней мере, так он думал много лет назад, когда смотрел на тело своего отца в зале похоронного бюро.

Центральное место в двух рабочих зонах занимали шесть стальных столов для вскрытия, с настенными весами над каждым и белыми досками над ними, разделенными на следующие графы: ИМЯ. МОЗГ. ЛЕГКИЕ. СЕРДЦЕ. ПЕЧЕНЬ. ПОЧКИ. СЕЛЕЗЕНКА. Сюда, в эти графы, вписывался в ходе вскрытия вес каждого органа. Исключение составляли те редкие случаи, как сегодня, когда от этих самых органов ничего не осталось.

Три сияющих чистотой стальных стола в данный момент пустовали. На двух других лежали тела под белыми пластиковыми простынями. Из-под одной выглядывала стопа с биркой на большом пальце. Проходя мимо, Грейс из любопытства прочитал имя – Боб Таннер. Какую историю оставил после себя он?

Грейс кивком поприветствовал собравшихся у другого стола, на котором лежал скелет. Некоторые его части удерживались вместе ссохшимися сухожилиями, другие лежали по отдельности, как детали незаконченного пазла.

Его внимание привлек череп. Маленький, с полным набором прекрасно сохранившихся зубов, нуждавшихся разве что в отбеливании. Поперек левой скуловой части лежала белая

линейка; стоявший рядом с черепом Джеймс Гартрел щелкал фотоаппаратом. За его спиной Филип Ки наговаривал что-то в диктофон, а Гленн Брэнсон беседовал с лаборанткой Деборой Моррисон. Чуть в стороне от них Люси Сайбен рассматривала кости ноги и делала какие-то пометки в блокноте.

Склонившись над скелетом, Надюшка Де Санча осторожно ощупывала его каким-то тонким стальным инструментом. Поразительной красоты женщина пятидесяти с небольшим лет, с высокими скулами и ясными зелеными глазами, которые могли быть серьезными в одну секунду и искриться юмором в следующую, под пламенно-рыжими волосами, в данный момент аккуратно убранными под шапочку. Она отличалась аристократической осанкой, вполне подобающей, как поговаривали, дочери русского князя, и всегда носила небольшие, в тяжелой оправе очки, придававшие ей вид человека науки. Повернувшись, она приветствовала Грейса дружелюбной улыбкой.

– Спасибо, что заглянули, Рой. Гленн посчитал, что вам нужно увидеть кое-что. – Она взяла пинцет с подноса с инструментами, подошла к черепу и несколько секунд внимательно смотрела на него. Потом наклонилась, захватила что-то почти невидимое и подняла пинцет над черепом.

Проследив за ее движением и присмотревшись, Грейс увидел тонкий волосок примерно восемнадцати дюймов длиной.

– Может быть, это поможет в установлении личности. На черепе сохранилось лишь несколько волосков каштанового цвета, но, судя по их длине, можно сказать, что на момент смерти у нее была пышная прическа.

Глядя на волосок, Грейс вспомнил фотографии Логан Сомервиль, у которой были похожие волосы, каштановые, длинные. Как и у Эммы Джонсон, исчезнувшей из своего дома в Уэртинге, появившейся через некоторое время в Гастингсе и снова исчезнувшей. Может быть, здесь есть какая-то связь? Не похоже, но возможно, пусть даже ниточка и протянулась через десятилетия. В любом расследовании важно принимать во внимание все факты. Отбросить что-то как случайное совпадение легко, но, поступив так, можно пропустить важный ключ, который потом ткнет тебя сзади.

Грейс повернулся к судебному археологу:

– Люси, вчера вечером вы сказали, что женщине на момент смерти было около двадцати? Она посмотрела на него и кивнула:

– Да, все указывает на это. И умерла она, на мой взгляд, около тридцати лет назад. Я хочу провести анализ семян растений, найденных на останках, и вот этой пряди волос. Мне представляется, что они не могли появиться в песчаной почве, которая характерна для окрестностей Лагуны. На них заметны глинистые отложения, свойственные более удаленным от моря районам, например сельскохозяйственным и лесным угодьям Суррея. Этот факт еще более утверждает меня во мнении, что преступление произошло не в Лагуне, где жертву лишь закопали через какое-то время. Результаты будут через несколько дней, возможно через неделю-другую.

Грейс нахмурился.

– Но зачем переносить останки из первоначального захоронения в Лагуну, на место, которое более на виду?

– Может быть, босс, они знали, что в этом месте будет прокладываться дорожка, – вступил Гленн Брэнсон. – И рассчитывали, что здесь их никогда не найдут.

Грейс задумчиво уставился на останки.

– И как насчет того, – продолжал инспектор, – что преступник был членом прокладывавшей дорожку строительной бригады?

Грейс кивнул:

– Ты так считаешь? Да, возможно. – Он посмотрел на часы – не опоздать бы к Пью. – Что-нибудь еще?

Брэнсон криво усмехнулся.

– Да, кое-что есть. – Он заговорщически переглянулся с Надюшкой Де Санча и ткнул пальцем в лобную часть черепа.

Судмедэксперт отошла к рабочему столику у большого, с непрозрачным стеклом окна, взяла лупу и вернулась:

– Посмотри внимательнее, Рой.

Приглядевшись невооруженным глазом, Грейс обнаружил на лобной кости некую отметину примерно в два дюйма шириной и в полдюйма глубиной. Он взял лупу, посмотрел через увеличительное стекло и разобрал едва различимые буквы.

ТЫ МЕРТВА⁶.

Суперинтендент повернулся к Надюшке Де Санча:

– Странная татуировка. Может, она была готом или как там это тогда называлось?

Она покачала головой:

– Это не тату, Рой.

– Нет? Тогда что же?

– Думаю, это выжгли. Должно быть, неким маркировочным устройством.

⁶ В оригинале – U R DEAD.

26

Пятница, 12 декабря

Детство Логан прошло на небольшой ферме около Райпа, в Восточном Суссексе. Ее родители были арендаторами в третьем поколении, но по мере введения правил и норм ЕЭС их доходы постепенно падали. Приходилось экономить, а единственным резервом экономии были работники. С двумя рассчитались раньше, а через несколько месяцев пришел черед пастуха, работавшего на ферме тридцать лет. С одиннадцати лет Логан, чередуясь с родителями, вставала в пять утра – доить коров. И так каждый день, семь дней в неделю, круглый год. Коровы не признавали таких вещей, как, например, Рождество. Они просто хотели, чтобы их подоили.

Ее отец, убежденный сторонник «зеленых», не верил в современные удобства. Круглый год дом обогревался стоявшей в кухне и работавшей на угле отопительной печью «Эссе»; другая печь, топившаяся дровами, стояла в холле, но в летние месяцы ею не пользовались. Даже спустя годы, уже живя в Брайтоне, в квартире с центральным отоплением, она просыпалась иногда по ночам от запаха горящего угля.

Логан чувствовала его и сейчас. Резкий, едкий. Или у нее галлюцинации?

Она открыла глаза и поняла, что нет, не галлюцинации – запах ощущался явственно. Горящий уголь. В носу защипало. Вверху, над ней, возникло мутное, рассеянное красное мерцание. И дальше, за ним, точки зеленого света.

Снова уже знакомый скользкий звук. Коснувшийся лица воздух отдавал затхлостью. Красное свечение приблизилось и сделалось резче.

Кто-то стоял над ней. И этот кто-то держал в руках что-то, ярко мерцающее красным.

– Кто ты? – дрожащим от страха голосом спросила Логан. – Кто ты?

Рука в перчатке сжала вдруг горло, принуждая ее опуститься на жесткий пол. Красное мерцание опустилось, и в следующее мгновение правое бедро вдруг обожгло что-то раскаленное. Логан взвыла от убийственной боли, зажмурилась и завертелась, пытаясь отстраниться, отодвинуться, но незнакомец держал ее крепко. А потом она услышала шипение горячей плоти.

Ее плоти.

– Не-е-е-е-е-е-е-ет!

Словно осиный рой впился в бедро. Она снова закричала.

– Ш-ш-ш, – произнес глухой голос. – Ш-ш-ш-ш! Все хорошо, беби!

Она завертелась, насколько позволяло пространство, от боли. Жгучей, острой, страшной боли. Попыталась укунить руку в перчатке. Боль не утихала – наоборот. Такое невозможно терпеть.

– А-а-а-а-а-а-а-а! У-у-у-у-у-у-у-у!

Что-то холодное, успокаивающее на секунду коснулось бедра. Но уже в следующее мгновение боль вернулась с прежней силой.

Логан снова увидела над собой красное мерцание. Рука в перчатке больше не сдавливала горло. Она хватала ртом воздух. Боль... невыносимая боль...

Ее вырвало.

Немного погодя рот ей вытерли тряпкой, влажной и воняющей каким-то дезинфицирующим средством. Боль, словно разъедающая кислота, проникала все глубже, к самой кости.

И опять глухой голос:

– Все будет хорошо. Боль уйдет. Тебе не сделали ничего плохого. Все будет хорошо.

– Что ты сделал, тварь? Ты от этого кайф получаешь?

Скользкий звук над головой. Тишина. Обливаясь слезами, Логан дрожала от ужаса.

27

Пятница, 12 декабря

В четыре часа пополудни Рой Грейс сидел в своем кабинете на втором этаже Управления уголовных расследований с видом на противоположную сторону улицы. На переднем плане в слабеющем свете дня блестел мокрый серый камень гипермаркета «Холлингбери Асда», за ним открывался дождливый ландшафт города. Суперинтендент включил компьютер и вставил в дископриемник только что полученный DVD с записью утреннего интервью с Джейми Боллом.

Плотный молодой человек в сером костюме, рубашке с галстуком и черных туфлях определенно чувствовал себя не в своей тарелке, сидя на одном из трех красных стульев в тесной комнате для опроса свидетелей. Вместе с ним в комнате были два детектива – сержант Гай Батчелор в спортивном пиджаке и черных брюках и констебль Лиз Сьюард, невысокая изящная женщина с короткими колючими блондинистыми волосами, в белой рубашке и темных брюках. Сверху, со стены, на них смотрела видеочамера.

Интервью началось с формальностей: объявления даты и времени и подтверждения со стороны Болла, что ему известно о том, что все происходящее записывается. Потом Батчелор попросил Болла вкратце изложить обстоятельства исчезновения его невесты, Логан Сомервилль.

Болл повторил ровным счетом все то, что говорил накануне вечером самому Грейсу, и именно это показалось суперинтенденту немного странным. Отрепетированная версия?

– Как вы охарактеризовали бы ваши отношения с мисс Сомервилль? – спросила констебль Сьюард.

Грейс сосредоточил внимание на Джейми Болле. Молодой человек отвечал спокойно, но выглядел при этом далеко не безмятежно.

– Мы любили друг друга и планировали пожениться. Я думал, у нас все идет как надо.

– Уверены? – продолжил ту же линию Гай Батчелор. – И она разделяла ваши чувства и планы?

– Я думал, что да.

Вопросы детективов еще больше разволновали Болла. Несколько секунд он смотрел в камеру на стене, потер правое ухо и поправил узел на галстуке.

– Вам знакомо такое имя – Луиза Брайс? – спросила Сьюард.

– Да. Хорошо знакомо.

– Как бы охарактеризовали ее отношения с вашей невестой?

– Она лучшая подруга Логан. Они еще в детский сад вместе ходили и сейчас очень близки.

– На ваш взгляд, насколько близки?

– Они все время разговаривают или шлют друг другу эсэмэски. По нескольку раз в день.

– То есть Луиза Брайс, по всей видимости, в курсе ее дел, так?

Болл замялся, и Грейс заметил, как он переменялся в лице.

– Да, так.

– Дело в том, Джейми, что одна из моих коллег разговаривала с Луизой Брайс сегодня утром. У меня здесь запись этого разговора. – Констебль посмотрела на лежащую перед ней распечатку. – Она рассказала то же, что и репортеру газеты «Аргус», которая связывалась с ней чуть раньше. По словам Луизы, Логан разорвала вашу помолвку. Можете как-то прокомментировать это ее заявление?

Болл снова смутился.

– Мы любили друг друга, – заговорил он с ноткой вызова. – Но в последнее время возникли некоторые трения – у Логан появились сомнения.

– Как по-вашему, для чего Луиза Брайс, лучшая подруга Логан, сказала так репортеру? – спросила Лиз Сьюард.

Болл пожал плечами:

– Понятия не имею. Раз уж на то пошло, мы с Луизой никогда особенно не ладили. У Брайсов агентство по операциям с недвижимостью, и она им управляет. Луиза сказала Логан, что, по ее мнению, я неудачник и что она могла бы найти себе парня получше.

– Получше кого? – уточнил Гай Батчелор.

– Получше меня.

– И как Логан отреагировала на такие ее слова?

Болл ответил не сразу.

– Она передала это мне.

– И что вы почувствовали, когда такое услышали? – Сержант внимательно посмотрел на Болла.

Тот потрогал бородку, потом пригладил волосы.

– Сказал, что мне неприятно это слышать.

– Я разговаривала с Луизой Брайс сегодня утром, – продолжила констебль Сьюард. – По ее словам, Логан не все устраивало в ваших отношениях. Что вы на это скажете?

Было видно, что Боллу все труднее сдерживаться.

– Да это все просто чушь! – вспыхнул он. – Луиза такая нахалка! Я ей никогда не нравился. Постоянно под меня копала. У нас с Логан были, конечно, разногласия. Как и у всех.

– Из-за чего?

– Логан любит побыть одна, а я считал, что нам надо развивать общие интересы, делать все вместе.

– И что, Луиза Брайс как-то повлияла на подругу в отношении вас? – спросила констебль.

– Логан говорила, что любит меня.

– Это правда, что она разорвала помолвку?

Болл снова замолчал на несколько секунд.

– Да, – неохотно признал он. – Тут такое дело... у нас вроде как пошла черная полоса. Но потом все снова стало поправляться. То есть... я хочу сказать... ну, знаете, мы обо всем поговорили. Такое ведь со всеми случается. Не всегда все гладко.

– Я также разговаривала сегодня с миссис Тиной Сомервиль, – продолжила Лиз Сьюард. – Это мать Логан, так?

– Да.

– Она рассказала, что прошлый уик-энд Логан провела с родителями, одна. Без вас. Сказала, что дочь уже давно в плохом настроении, что вы, по ее словам, не согласитесь прекратить отношения. Хотите как-то прокомментировать?

Он снова пожал плечами:

– Вот так сюрприз... Хотя... нет. Логан всегда говорила, что ее родители – люди немного странные. Что они никогда толком ее не понимали. Они фермеры-арендаторы. Не знаю, в курсе ли вы, как эта система работает?

– Может быть, вы нам расскажете? – предложила констебль.

– Сельское хозяйство в Англии до сих пор на довольно необычной, по сути, феодальной системе. Большая часть земли в стране принадлежит аристократам-землевладельцам – у них огромные поместья. Они сдают землю семьям фермеров – на три поколения по довольно низкой арендной плате. За это арендаторы содержат землю в порядке и зарабатывают с нее как могут. С одной стороны, сделка для фермеров выгодна – они получают значительные площади пахотных или луговых земель и могут разводить коров или овец. Но с другой, ни сама ферма, ни земля им не принадлежит. Через три поколения договор аренды придется пересматривать. Хорошо, если следующее поколение соглашается на прежние условия. Ее родителям не

нравилось, что я не проявляю интереса к сельскому хозяйству. Они-то надеялись, что дочка выйдет замуж за парня, кому это по душе.

– То есть аренда под угрозой?

– Да. Им уже по шестьдесят с лишним, а своего дома они так и не купили. И теперь им грозит лишиться того, что есть. Вот они и злятся на нее за то, что не нашла жениха, который потянул бы ферму дальше. Да только дело в том, что Логан и сама не сильно в этом заинтересована. Фермерская жизнь нелегкая.

Грейс досмотрел запись до конца, но ничего значительного Джейми Болл так и не сообщил. Впрочем, и того, что он уже сказал, было достаточно.

Логан Сомервиль разорвала помолвку, и Джейми Болл не пожелал с этим согласиться. Он стоял на том, что они снова сойдутся. Вот только его точку зрения не разделяли ни лучшая подруга Логан, ни ее родители.

Он ли стоит за ее исчезновением?

Информации для ответа на вопрос было пока мало. И тем не менее...

28

Пятница, 12 декабря

Эдвард Крисп попрощался со своим последним на неделе пациентом, Робом Лоу, пожилым девелопером, твердо убежденным – на протяжении уже двадцати пяти лет, – что смертельно болен.

Лоу был одним из тех пациентов, которых доктор принял в первый год своей практики. Направленный к Криспу уходившим в отставку терапевтом, он пришел с жалобой на периодически повторяющуюся острую боль в горле, которая и навела его на мысль о раке гортани. Психиатру удалось успокоить беднягу, объяснив, что болезненные ощущения есть следствие растяжения шейных мышц из-за увлечения теннисом. С тех пор едва ли не раз в каждые два месяца Лоу появлялся в его кабинете, иногда сопровождаемый супругой Джулией, с подозрением на очередную смертельную болезнь, проявляющую себя болью в той или иной части тела. Боли бывали грудные. Боли бывали паховые. Случались потери аппетита. Случались прибавки в весе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.